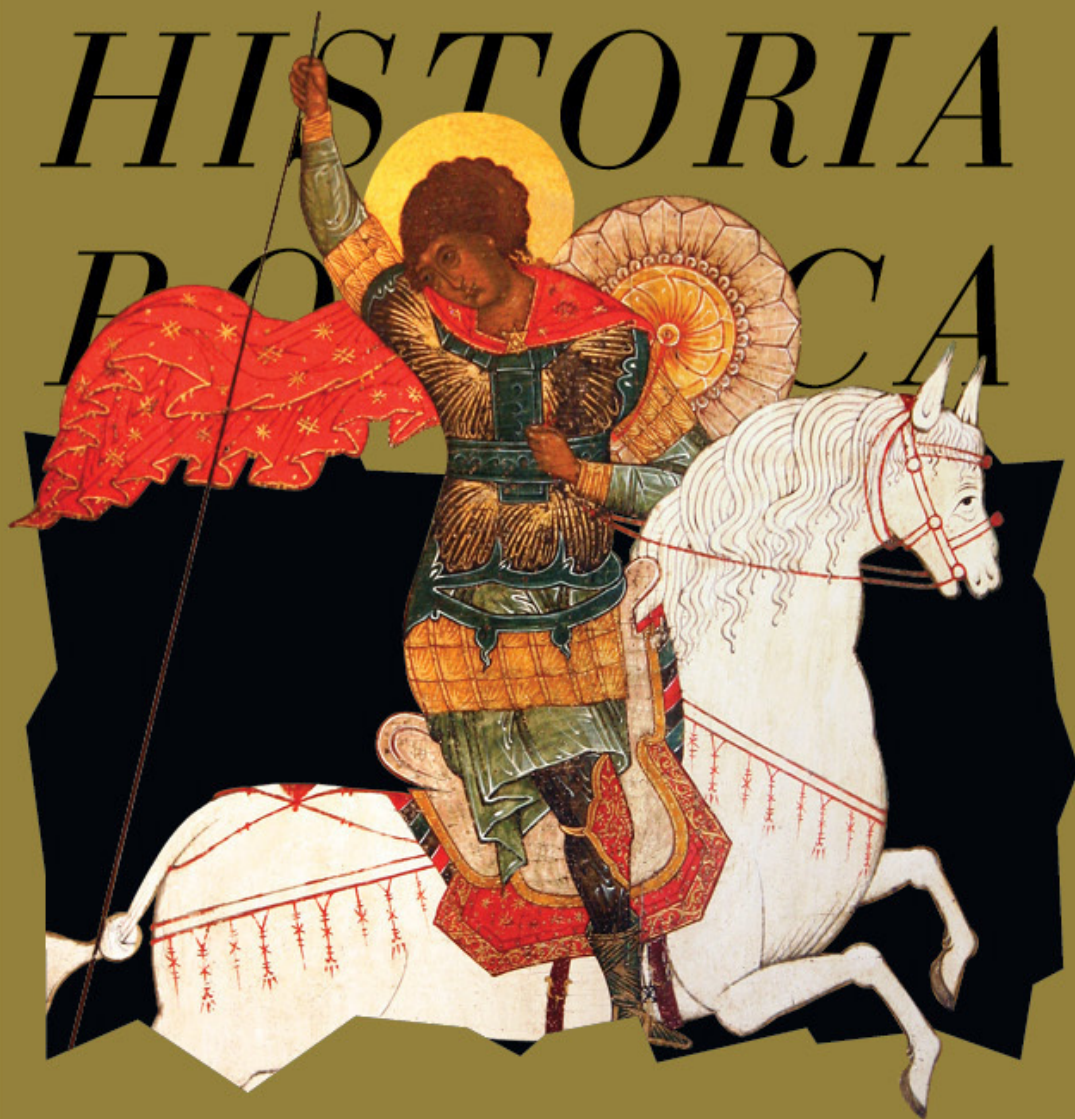

HISTORIA РОССА

РУССКИЙ ВСАДНИК В ПАРАДИГМЕ ВЛАСТИ

БЭЛЛА
ШАПИРО

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Бэлла Шапиро

**Русский всадник в
парадигме власти**

«НЛО»

2021

Шапиро Б.

Русский всадник в парадигме власти / Б. Шапиро — «НЛО»,
2021 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-44-481481-9

«Медный всадник», «Витязь на распутье», «Птица-тройка» – эти образы занимают центральное место в русской национальной мифологии. Монография Бэллы Шапиро показывает, как в отечественной культуре формировался и функционировал образ всадника. Первоначально святые защитники отечества изображались пешими; переход к конным изображениям хронологически совпадает со временем, когда на Руси складывается всадническая культура. Она породила обширную иконографию: святые воины-покровители сменили одеяния и крест мучеников на доспехи, оружие и коня. Наиболее устойчивым конным образом стал «змееборец» – небесный покровитель Руси, поражающий врага. Со временем образ святого, оберегающего свой народ от бедствий, превратился в символ великокняжеской, а затем и царской власти. Со становлением Российской империи ему на смену пришел эпический образ конного царя-триумфатора. Автор книги подробно анализирует процесс подобной культурной трансформации, уделяя при этом большое внимание событийной истории России от Московского царства до последних императоров. Бэлла Шапиро – историк культуры, музеолог, доцент РГГУ.

ISBN 978-5-44-481481-9

© Шапиро Б., 2021
© НЛО, 2021

Содержание

ВВЕДЕНИЕ. РУССКИЙ ВСАДНИК КАК TERRA INCOGNITA	5
Часть 1. Всадник Московского царства	16
ГЛАВА 1. ДИАДА «КОНЬ И ВСАДНИК»: САКРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СВЯЗИ	16
1.1.1. ИСТОРИЯ И ИКОНОГРАФИЯ ПОЧИТАНИЯ HEROS EQUITANS. КОНЬ И ВСАДНИК В МИФАХ И ОБРАЗАХ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	16
1.1.2. ВОИН-ВСАДНИК КАК СИМВОЛ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ	18
1.1.3. КОНЬ КАК РИТУАЛ И СИМВОЛ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ: СТРАШНЫЙ СУД ИВАНА ГРОЗНОГО	20
1.1.4. «ADVERSI, AVERSI, PERVERSI»: ЦАРСКАЯ КОННАЯ КУЛЬТУРА ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ	27
1.1.5. ЦАРСКИЙ «ЕЗДНОЙ КОНЬ»: КУЛЬТУРНАЯ И ИМУЩЕСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ	33
ГЛАВА 2. ВЕЩНЫЙ МИР МОСКОВСКОГО ВСАДНИКА: САКРАЛЬНОЕ/СВЕТСКОЕ	37
1.2.1. «ДВУГЛАВЫЙ ПОД КОРОНОЮ ОРЕЛ»: КОНСКОЕ УБРАНСТВО В СИСТЕМЕ АТТРИБУТОВ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ	37
1.2.2. ЦАРСКИЙ «ЗЛАТ СТРЕМЬ». ОБУВЬ, ШПОРЫ И ЭЛЕМЕНТЫ СЕДЕЛЬНОГО СБОРА	44
1.2.3. ЕЗДОВОЙ КОСТЮМ В СИСТЕМЕ КОННОЙ КУЛЬТУРЫ. ТЕРЛИК И ТЕГИЛЯЙ. ОДЕЖДА ВОИНСКАЯ И ПРИДВОРНАЯ	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Бэлла Шапиро

Русский всадник в парадигме власти

ВВЕДЕНИЕ. РУССКИЙ ВСАДНИК КАК TERRA INCOGNITA

Мир есть конь¹.

Страной чудовищных контрастов называли Россию иностранцы, размышлявшие о специфике русской культуры². Смещение несоединимого было одновременно пугающим и притягательным. Культурологическое осмысление природы этого явления закономерно связало его с другими особенностями русской культуры – разрушительными изменениями, «ломкой» культурно-исторических парадигм, наложением «старых» и «новых» парадигм, но не последовательной их сменой, и тяготением к имперской державности³. Эти устойчивые черты составили основу национальной культуры как ценностно-смыслового единства.

Размышления о проблеме национального самосознания приобрели новый вектор после ударов, нанесенных дворянскому либерализму подавлением восстаний 1825 (выступление декабристов) и 1830–1831 гг. (Польская война). Последовавший за этими событиями кризис русской дворянской культуры получил свое историософское осмысление в диалоге западничества и славянофильства – двух сторон одной культуры, двух форм русского романтизма⁴. В те же годы романтические представления об историческом своеобразии России нашли свое выражение в творчестве двух крупнейших фигур русской классической культуры, обратившихся к двум традиционным «конным» мифологемам: упряжного коня и коня верхового; обе имели дуальную трактовку и играли важнейшую роль, связанную с циклом смерть – возрождение – бессмертие.

Новую национально-государственную трактовку получил гоголевский образ русской тройки, вытекающий из широкого контекста русской культуры и имеющий глубокие национальные корни⁵. Тройка, перед которой «постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства»⁶, воспетая поэтами более сотни раз⁷ как олицетворение русского характера, была горячо принята в качестве национального культурного символа. Россия, которая «разметнулась на полсвета», предстает здесь в апофеозе имперской славы, наводя ужас своим величием⁸.

Практически одновременно (сюжет «Мертвых душ» обсуждался Н. В. Гоголем с А. С. Пушкиным в сентябре 1831 г., первый том был написан в 1835 г.; «Медный Всадник» – во

¹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992. С. 58.

² Думова Н. Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. М., 1993. С. 140.

³ Кондаков И. В. Культура России: краткий очерк истории и теории. М., 1999. С. 199; Яковенко И. Г. Прошлое и настоящее России: имперский идеал и национальный интерес // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 88–96.

⁴ Кондаков И. В. Культура России... С. 201.

⁵ Мароши В. В. Тройка как символ исторического пути России в русской литературе XX века // Филология и культура. 2015. № 2 (40). С. 204–209; Сазонова Л. И. Русь – птица-тройка Гоголя: сакральные основания национальной мифологемы и ее отражения в литературе // Сазонова Л. И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. ИМЛИ РАН. М., 2012. С. 249–292.

⁶ Гоголь Н. В. Мертвые души. Цит. по: Сазонова Л. И. Русь – птица-тройка Гоголя... С. 260.

⁷ Андроников И. Л. Четырнадцать русских «Троек» // Андроников И. Л. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1981. С. 105.

⁸ Сазонова Л. И. Русь – птица-тройка Гоголя... С. 256, 272–276.

вторую болдинскую осень 1833 г.)⁹ русская культура обогатилась еще одним символическим образом, построенным на тех же идеологических коннотациях, и на тех же контрастных мотивах – ужаса и величия¹⁰. Как и гоголевская тройка, он недвусмысленно наследовал древним мифологемам (прежде всего, мифологеме конного героя-«змеборца»), хотя и входил в противоречие с ним¹¹.

Оба символических образа русской исторической судьбы органично встроились в контекст поисков национальной мифологемы. Мотивом, объединяющим обе поэмы, стал имперский пафос, а конь – выразителем силы и мощи нации и государства. Идеальным выразителем образа русского самодержца стал всадник¹².

Теоретическое осмысление этого последнего положения имеет свою давнюю и очень обширную историю. Первый период отечественной историографии русского всадника начинается с публикации коннозаводчика и фанатичного поклонника чистокровной лошади П. Н. Мяснова «О конских ристаниях и скаковых лошадях» (1824)¹³. Эта работа была написана на волне своего рода «иппомании», характерной для русского дворянства конца XVIII – начала XIX в.: к началу правления Екатерины II, кроме известнейших заводов А. Г. Орлова и Шереметевых, насчитывалось лишь два десятка частных конных заводов, а к концу ее правления – тысячи, среди которых были заводы П. С. Муравьева, Н. Д. Домогацкого, С. А. Всеволожского, П. А. Чемоданова, Ф. В. Ростопчина, Д. М. Полторацкого и др.

Мяснов открыл серию трудов по *истории лошади и коннозаводству*; ее продолжили И. К. Мердер (1868), В. И. Коптев (1887), Н. Ф. Зезюлинский (1889). Среди этого массива нужно выделить «Исторический очерк русского коневодства и коннозаводства» И. К. Мердера, отца боевого полковника и георгиевского кавалера К. К. Мердера, в 1824–1834 гг. бывшего наставником цесаревича Александра Николаевича: как известно, личные склонности и увлечения Мердеров оказали сильное влияние на формирование личности не только цесаревича, но всех великих князей Николаевичей.

В 1850-х гг. начинается формирование *военно-иппологических* библиотек, поначалу на основе переводной литературы. Двухтомный «Полный курс иппологии» (1866) профессора иппологии И. И. Равича положил начало отечественной *научной иппологической литературе*; впоследствии эта тема была продолжена Ф. Ф. Фишером (1876).

Вопросы *трансляции конной культуры* в среде военно-интеллектуальной элиты в дореволюционной историографии затрагивали С. А. Белокуров (1907), М. А. Голубцова (1911), И. Н. Божерянов (1915): первые двое – на примере инкультурации и социализации детей дворян и горожан, последний – на примере молодых Романовых. Значительную роль в этом процессе закономерно получила *книжная культура* – ее анализом занимался А. И. Соболевский (1899, 1901), опубликовавший и интерпретировавший фрагмент рукописной «Книги лошадиного учения» (1670) – первого русскоязычного издания, посвященного воспитанию «человека конного». Книга представляла собой перевод сочинения наставника молодого Людовика XIII А. де Плювинеля, трактовавшего этот процесс как вхождение в рыцарскую культуру – культуру элитарного воинского сословия. М. И. Пыляев (1885) указал, какое значение получила

⁹ Гус М. С. Гоголь и николаевская Россия. М., 1957. С. 139; Роговер Е. С. Русская литература первой половины XIX века. СПб., 2004. С. 363.

¹⁰ Кара-Мурза А. А. Поэма «Медный всадник» А. С. Пушкина: политико-философские проекции // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 2. С. 54; Сазонова Л. И. Русь – птица-тройка Гоголя... С. 276–277.

¹¹ Сокурова О. Б. Георгий Победоносец и «Медный всадник» как архетипы русской исторической судьбы // Труды СПб-ГИК. 2009. Т. 185. С. 54; Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2000. С. 206.

¹² Сокурова О. Б. Размышления А. С. Пушкина об исторической судьбе России в поэме «Медный всадник» // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 2. С. 297.

¹³ Большинство упомянутых исследований получили свое библиографическое описание в списке источников и литературы.

рыцарская культура в повседневности русской аристократии. И. Е. Забелин (1915, посмертное издание) отметил наличие у царских детей книг с изображениями «людей на конях русских».

Изучение образов коня и всадника в русской культуре, в том числе и обоснование связи царской власти и коня как атрибута этой власти, в этот период чаще всего обнаруживается в контексте *этнографии и фольклористики* – в этом ключе работали И. И. Срезневский (1846), С. Н. Богомолов, А. В. Терещенко (оба – 1848), Н. И. Костомаров (1860), А. Н. Афанасьев (1865), Н. Я. Аристов (1866), А. А. Котляревский (1868), М. М. Забылин (1880), А. С. Фаминцын (1884), Д. Н. Анучин (1890). Здесь нужно выделить работы И. Е. Забелина (1842, 1862, 1869), впервые поместившего вопрос в проблемное поле *царской власти*. Позднее в этой же плоскости работал С. П. Бартенев (1912).

Биографическими исследованиями, наиболее значимыми в указанном контексте, занимались В. Н. Берх (1834), Ф. А. Кони (1844), Д. Ф. Кобеко (1887), Н. К. Шильдер (1903 и др.), В. В. Жерве (1911).

В проблемном поле *военных наук* (в том числе военной истории и философии) работал целый корпус специалистов. Это М. И. Драгомиров (1879), Д. Ф. Масловский (1883, 1891, 1894), Н. А. Орлов (1892), Н. П. Михневич (1898), А. К. Баиов (1906, 1909–1913), А. М. Зайончковский (1908), Н. Н. Сухотин (1912). *Историю конницы* как предмет, достойный выделения из общей массы военной истории, в разное время и с разной глубиной охвата освещали П. А. Иванов (1864), Д. Ф. Масловский (1883, 1891, 1894), М. И. Марков (1887), Г. О. Брикс (1897, авторский перевод «Истории конницы» начальника гвардейской кавалерии при генерал-губернаторе Канады подполковника Дж. Денисона), Л. В. Витт (1900), Н. П. Вольнский (1912).

Также нужно отметить весьма объемный корпус обстоятельно изложенных *исторических хроник – «летописей» кавалерийских полков и школ*, а также некоторых некавалерийских институций, где затрагиваются и вопросы конной подготовки. В этом направлении работали А. В. Висковатов (1832), И. И. Пушкарев (1844), И. В. Анненков (1849), М. П. Азанчевский, К. Н. Манзей (оба – 1859), И. Я. Селезнев (1861), А. С. Платов и Л. Л. Кирпичев (1870), В. А. Потто (1873), Г. А. Милорадович, А. Г. Жеребков (оба – 1876), М. С. Лалаев, П. К. Бенкендорф (1880), К. К. Штакельберг (1881), Н. П. Глиноецкий, М. Г. Гольмдорф (оба – 1882), Н. Н. Буковский (1889), Б. В. Хлебников (1893), М. И. Марков (1884), И. И. Рыкалов (1895), Н. А. Орлов (1896), П. П. Шкот (1898), А. Н. Поливанов, С. И. Петин (оба – 1899), С. А. Панчулидзе (1899, 1901, 1903, 1912), В. И. Кедрин (1901), Н. П. Вольнский (1902), А. Н. Антонов (1906), П. Ф. Лузанов (1907), Н. А. Дистерло (1909), Н. В. Химшиев (1913) и др. Создание работ этого блока, зачастую отличающихся значительной символизацией и/или героизацией военной культуры, обыкновенно приурочивалось к юбилеям отечественной военной или военно-образовательной истории.

Первое русскоязычное гендерное исследование, затрагивающее «конное» проблемное поле, принадлежит Е. Н. Щепкиной («Полковые дамы времен Петра I», 1913).

Историей «конной» *материальной культуры* занимались А. В. Висковатов (с 1841), А. Ф. Вельтман (1844, 1860), П. И. Савваитов (1865), Д. Я. Самоквасов (1908). Часто эти исследования основывались на археологическом и/или музейном материале.

В целом дореволюционный период историографии вопроса – время, когда закладываются границы проблемного поля и определяются векторы его разработки, многие из которых продолжают сохранять свое значение до настоящего времени.

В советский период, вместе со сменой исследовательской парадигмы, стали возможными постановка и решение новых научных задач. Новым направлением, представленным исследованиями А. В. Грачева (1938) и М. С. Иванова (1960) стала история *конного спорта* и составительской подготовки всадника. Благодаря исследованиям Э. Н. Репьевой (1976), Г. Ф. Одиноца (1980), Д. С. Сетарова (1981) как новое направление оформляется *иппология*. *Книжная*

культура исследовалась И. И. Назаренко (1956), Л. В. Черепниным (1961), И. М. Кудрявцевым (1963), С. П. Лупповым, который указал место и объем первых «конных» книг в отечественных библиотеках (1970, 1976, 1979), И. Н. Лебедевой (1989). В. Н. Лазаревым (1953) и И. А. Кочетковым (1985) поднимаются вопросы *иконографии всадника* в русской культуре.

Наблюдается расцвет *ипполитературы* и *истории лошади*, среди которых нужно назвать труды В. О. Витта (1952, 1964), Ю. Н. Барминцева, А. Б. Фомина и И. И. Сорокиной, Г. Г. Хитенкова (все – 1972), Е. В. Кожевникова, Д. Я. Гуревича (1990). Отдельно нужно выделить исследование «Конь и всадник: пути и судьбы» В. Б. Ковалевской, в значительной мере послужившее отправной точкой настоящего исследования: здесь история освоения коня разными народами изучается в тесной связи с историческим процессом; вопрос рассмотрен на материале первобытных и древних культур.

Русская «конная» *архаика* и *этнография* стали предметом исследования М. Г. Рабиновича (1978, 1986, 1988), Б. А. Рыбакова (1981, 1987). *Трансляция конной культуры* представлена в исследовании А. К. Байбурина (1991). Выделяются исследования *праздничной и церемониальной конной культуры*, представленные Г. Н. Добровольской (1975), В. М. Красовской (1979), В. Ю. Матвеевым (1984), А. К. Гануличем (1990). Изучением культурных ценностей *русского рыцарства* занимался Ю. П. Соловьев (1989).

Расширяется круг *музейных исследований*: раздел представлен трудами Н. А. Баклановой (1928), М. М. Денисовой (1925, 1948, 1954), М. Н. Левинсон-Нечаевой (1954), И. И. Вишневецкой (1987), К. Школьниковой (оба – 1987). К этому же блоку можно отнести исследование Ю. М. Стволинского по истории коллекционирования и экспонирования *военной игрушки* (1973).

Материальная культура русского всадника изучается на археологическом материале (в том числе на материале *военной археологии*) А. Н. Кирпичниковым (1966, 1973), А. В. Никитиным (1971), Н. С. Шеляпиной, Т. Д. Пановой и Т. Д. Авдусиной (1979). Из общего массива исследований выделяются труды Е. Ю. Моисеенко (1977) и В. М. Глинки (1988) по *истории костюма* в целом и *военного костюма*. Военной проблематикой (*военной философией, историей, источниковедением*) также занимались А. А. Свечин (1928), А. А. Керсновский (серии трудов 1932–1939 и 1933–1938), П. П. Епифанов (1946), Л. Г. Бескровный (1953, 1957), А. А. Строков (1955), В. Н. Автократов (1961), Л. В. Беловинский (1983). Публикуются первые труды А. И. Бегуновой (1991), помещающие русского всадника в пространство *воинской повседневности*.

Значимой частью историографии проблемы являются труды представителей *русского зарубежья*: полковые «летописи» К. Н. Скуратова (1938) и С. Н. Ряснянского (1965), военно-исторические труды Ю. Н. Данилова (1924, 1926, 1930 и др.), очерк Н. Н. Головина о роли конницы в Первой мировой войне и после ее окончания (1923), а также материалы, предоставленные корреспондентами русского военно-исторического журнала «Военная быль» (Париж, 1952–1974) А. Н. Антоновым, П. Ф. Волошиным, Г. М. Гриневым, М. К. Данилевичем, Ф. И. Елисеевым, А. Л. Марковым, А. Н. Поливановым, А. А. Скрябиным, Ю. Н. Солодковым и др. По понятным причинам в центре внимания здесь оказалась национальная специфика проблемы. Несмотря на изрядную долю ностальгизации и мифологизации исторической действительности, именно эти труды открывали мир русского всадника для европейской и мировой культуры, придавая проблеме смысл, выходящий за пределы национальной истории. Однако даже здесь история русского всадника не помещалась в контекст истории национальных элит, оставаясь на периферии внимания; не являясь предметом самостоятельных исследований, тема затрагивается лишь по касательной.

В современной России образ русского всадника все чаще привлекает специальное внимание ученых. Предметное поле исследований значительно расширилось, но и в этот период одним из основных направлений разработки темы остается *военная история*, которая все чаще рассматривается как одна из составляющих культуры; этому вопросу посвящены исследования

А. А. Михайлова (2003), Е. М. Болтуновой (2004, 2011), Г. Э. Введенского, С. А. Летина и Г. В. Вилинбахова (все – 2005), Н. Г. Рогулина (2005, 2008), А. В. Кутищева, С. М. Андреева, Ж. Горохова, А. Г. Бесова (все – 2006), В. А. Артамонова (2007, 2011), Р. Ф. Незвецкого, А. В. Кухарука (оба – 2009), В. В. Агеева (2011), С. А. Малышева (2012), В. П. Подольникова, Б. А. Алмазова (оба – 2015). В. В. Тараториным (1999) и О. А. Хорошиловой (2013) продолжается изучение *истории конницы*.

Отмечается смещение интереса от изучения исторического процесса самого по себе к антропоориентированной истории. Как отдельное направление выделяются *военно-историческая* и *военная антропология*: в этом направлении работают Е. С. Сенявская (2002), В. И. Бажуков (2008), С. Т. Минаков (2014), А. В. Гладышев (2017). Военная и военно-образовательная история все чаще рассматривается в культурологическом пространстве: к этой категории можно отнести труды А. А. Лугового (2000), В. М. Крылова и В. В. Семичева (2004), Е. Н. Романовой (2008), В. Н. Гребенькова (2011), А. В. Коротенко (2013), В. В. Круглова (2015) и др.).

Появляется понятие *культурной военной истории*. В историко-культурном контексте также рассматриваются вопросы конных состязаний (М. Н. Лопато, 2010). Все больший объем занимает изучение отдельных вопросов в рамках *военной археологии* и *военной материальной культуры*. Примеры можно видеть в работах Л. В. Беловинского (1992, 1995), В. И. Егорова (многочисленные публикации с 1996), С. А. Летина (2000, 2002), Д. П. Алексинского, К. А. Жукова, А. М. Бутягина, Д. С. Коровкина (2005), В. Н. Малышева (2006), О. В. Двуреченского (2008, 2018 и др.), К. В. Татарникова (2008, 2012), К. В. Татарникова и Е. И. Юркевича, К. В. Трубицына (все – 2009), Ю. А. Тихонова (2011), А. В. Курбатова, Е. А. Родионова (оба – 2013), О. В. Шиндлера (2014), Д. А. Клочкова (2014), В. В. Пенского и О. В. Комарова (оба – 2016), Б. В. Мегорского (2018).

Все большее значение приобретают биографические исследования; весомая часть этого блока – *биографии политической и военной элиты*. В этом направлении работали Ю. П. Гусев (1992), П. В. Седов (1995), Ю. А. Сорокин (1996), З. И. Белякова (1997, 2002), А. П. Богданов (1998, 2009), Л. В. Выскочков, П. А. Лабутин (оба – 2001), М. Я. Тарасов (2004), И. В. Курукин (2006), Е. И. Юркевич (2007), Н. Н. Крючков (2009), Г. С. Чувардин (2010, 2011, 2014, 2017 и др.), Д. М. Володихин (2013), О. Г. Агеева (2018). Здесь следует выделить исследование Г. С. Чувардина, воссоздавшего не только коллективную биографию, но и культурный образ российской военной и военно-политической элиты (2009).

Исследованием культуры *царской повседневности* занимаются Л. А. Черная (1999, 2008, 2013), П. В. Седов (1995, 2006), И. Б. Михайлова (2010), И. В. Зимин (2011, 2015 и др.), Л. В. Выскочков (2013 и др.), Ю. Г. Шпаковский (2016), А. В. Морохин (2018). Государственный Эрмитаж публикует цикл статей, напрямую посвященных теме «царь-всадник»: их авторы – М. Б. Пиотровский, Е. Ф. Королькова, С. Л. Плотников, А. Л. Ракова и др. (все – 2006). *Музейные исследования* не теряют своей остроты; авторы работ современного периода – Л. П. Кириллова (1997, 2000), О. Б. Мельникова (2003), И. А. Загородняя (2003, 2006), Д. О. Осипов (2006), В. А. Чернышев (2007), В. Н. Образцов (2009).

Как новое направление можно выделить группу исследований, где образ всадника исследуется средствами *геральдики*, *сфрагистики*, *нумизматики*, *фалеристики*. Это работы А. Л. Юрганова, (1998), Г. И. Королева (2000), А. С. Мельниковой (2002), Г. В. Вилинбахова (2006), И. Г. Спасского (2009), Е. В. Пчелова (2009, 2010, 2015). Вопросами *иконографии*, *атрибуции*, особенностей отображения *материальной культуры* русского всадника занимались О. П. Святуха (2005, 2007), Е. М. Саенкова, Н. В. Герасименко (2008), П. В. Николаев (2011), Ю. Н. Бузыкина, К. В. Трубицын (2009, 2010, 2016 и др.), Ю. И. Чежина (2012, 2014, 2015, 2018), В. Ю. Соболев (2017), А. В. Кибовский (2019). Русская *этнография*, *дружинная культура* стали предметом исследования В. Г. Балущка (1995), Р. В. Багдасарова (1998), И. В. Портно-

вой (2009–2010), В. Я. Петрухина (2011), Д. А. Ляпина и О. В. Седовой (2014), О. Д. Федченко (2018). *Фольклористика и литературоведение* представлены К. Р. Конюховым, М. Ч. Ларионовой (оба – 2016), В. Г. Лушиным (2017).

Вопросами *культурной трансляции и формирования русской военной элиты* занимаются С. Д. Руденская (1999), В. Р. Басаев (2003), Н. Г. Рогулин (2004), В. Г. Данченко и Г. В. Калашников, Б. М. Бим-Бад, Н. Н. Петрухинцев (все – 2007), А. Н. Сидорова (2008), Н. Н. Аурова, Р. В. Смирнов (оба – 2010), И. А. Пономарев (2011), П. Е. Подделкова (2013), И. И. Федюкин и М. Б. Лавринович (2015), А. Н. Гребенкин (2015, 2017), И. В. Давыдов (2016), М. Б. Афанасьева (2017). *Книжную культуру*, затрагивающую русского всадника, исследуют С. Ю. Дутов и С. Н. Лютов (2007), С. Н. Лютов (2011), К. Б. Жучков (2012), А. М. Панченко (2017). В последние годы оформляется новый исследовательский подход, ориентированный на изучение конного *нематериального и материального культурного наследия*. В этом направлении работают А. А. Цепляев (2011), Б. В. Горбунов (2014) А. Д. Гарнец, Д. Д. Зыбина (2015), И. Ю. и Н. В. Юрченко (2011–2014, 2016, 2017), А. Н. Трусов (2017).

С большей или меньшей полнотой затрагивают историю русского всадника, помещая его в пространство *церемониальной, придворной и праздничной культуры*, А. К. Ганулич (1996), Г. А. Принцева (2001), О. Ю. Захарова (2001, 2003), Ю. Л. Жмодиков и Е. А. Кононенко (2003), И. А. Манкевич (2004), Л. А. Юзефович, А. Ю. Прокопьев (оба – 2007), И. Л. Андреев (2008), И. Н. Семенов (2011), М. О. Логунова (2011, 2013), Е. П. Ренне (2014), Н. Р. Славнитский (2015 и др.). Исследования А. И. Бегуновой (1992, 1993, 2000), А. П. Аспидова (2007), Л. В. Бердникова и Л. В. Беловинского (оба – 2008) раскрывают вопрос с точки зрения *культуры повседневности*.

Широко представлены *гендерные исследования*. Отдельные вопросы затрагиваются в работах А. В. Кибовского (1997), Е. Э. Келлер (2001), П. П. Щербинина (2004, 2007), О. Б. Вайнштейн, Е. В. Анисимова (оба – 2005), А. С. Рогатнева (2008), Л. Л. Селивановой (2010), О. Н. Мухина (2014), Н. М. Вершининой (2015, 2016), К. Бордэриу (2016), О. А. Хорошиловой (2012, 2013, 2015, 2018).

Не теряют своей актуальности исследования по *истории коневодства и коннозаводства, конской торговли, истории лошади*. В этих направлениях работают Ю. П. Гусев (1992, 1993), И. В. Хиенкина (1999), С. В. Афанасьев (2010), А. И. Раздорский (2011), Н. Н. Спасская и Б. Е. Янишевский (2013), Р. С. Бахтияров и В. А. Курская (оба – 2016).

Итогом стал довольно значительный корпус материалов, образованный как фундаментальными трудами, так и работами более частного характера, где вопрос лишь намечен или затронут косвенно. Однако в этих работах русское всадничество не выделялось как культурная проблема и практически не рассматривалось в качестве существенной характеристики национальной элиты. Немногими исключениями можно считать публикации К. А. Михайлова «К вопросу о формировании всаднической субкультуры в Древней Руси» (1994) и П. В. Седова «Аргамаки в чести, и нашу братью выносят в честь». Конюшня московского придворного XVII в.» (2017), монографические работы А. Е. Мусина «*Milites Christi* Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета» (2005), Л. В. Щегловой и Н. Р. Саенко «Образ благородного всадника: культурные модели» (2010); их содержанием стали размышления о специфике русского всадничества в контексте изучения придворных и воинских элит. Особое значение для настоящего исследования приобрел труд «Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов» Н. А. Фатеевой (2000), где были обозначены три ведущие «конные» парадигмы в мировой и русской культуре, и их сумма – парадигма поэтическая.

Зарубежная историография не столь обширна, но наиболее глубокое осмысление проблемы в культурологическом контексте обнаруживается именно здесь. Традиционно большой блок работ посвящен *военной истории* – как описанию непосредственно исторических собы-

тий, так и их осмыслению с точки зрения стратегии и тактики, состава армии, ее организации, вооружения, техники и т. д., как классические работы прошлых лет, до наших дней не потерявшие своей актуальности: К. Клаузевица (1834), Ф. Энгельса (1859), Л. Э. Нолана (1871), Дж. Денисона (1877), Г. Дельбрюка (1908), так и более поздние исследования. Традиционно много внимания уделяется *русскому фольклору, казачеству и специфике национальной армии* в целом, *русской царской и русской имперской культуре*.

Стоит отметить, что именно зарубежными исследователями были поставлены вопросы, пока не актуальные для отечественной науки или же затронутые в ней только вскользь, в частности о преемственности образа всадника в системе «Москва – Третий Рим» (М. Вайт, 2013).

Также стоит учесть исследования, которые не относятся к проблеме русского всадника напрямую, но имеют чрезвычайно важное значение для его изучения. Это монографии «Конная культура: статус, дисциплина и идентичность в Новой истории» К. Рабера и Т. Такера (2016) и «Королевские лошади с 1066 года до наших дней» А. Мюррэй (2006), а также материалы сборника «Лошадь как культурная икона» (под ред. П. Эдвардса и Э. Грэхема, 2011)¹⁴. Отдельно стоит отметить получивший в России горячий отклик труд Р. С. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии» (1995, русскоязычный перевод 2002), в значительной мере повлиявший на результаты настоящего исследования.

Обозначенная историография вопроса далеко не полна, но даже в таком виде представляет бурный поток идей и концепций, свидетельствуя о давнем и стабильном исследовательском интересе к проблеме. Специфика символизации образа конного воина в парадигме власти в русской культуре была обнаружена почти три с половиной столетия назад: далеко не случайным было создание «Василиологиона» Н. Г. Спафария (1673–1674), где царская доблесть напрямую связывалась с состоятельностью монарха как всадника¹⁵. Однако до сих пор это явление не получило должного освещения: накопленное знание является почти исключительно конкретно-историческим и практически не выходит на уровень научно-теоретического обобщения. Этот существенный пласт русской культуры оказался вычеркнут из круга интересов исторической культурологии.

Вышесказанное определило общее направление работы: реконструкция не истории всадника, а его образа в исторической динамике и на основе конкретно-исторических проявлений. Результаты работы должны представить содержание культурной формы¹⁶ «русский всадник» как культурного символа, исходя из гипотезы, согласно которой смысловое содержание культурной формы «русский всадник» на протяжении нескольких столетий русской истории является устойчивым, не взаимосвязанным с историческими трансформациями, что позволяет говорить о нем как об одном из традиционных символов русской культуры.

Внутри основных хронологических рамок исследования помещены, по Н. А. Бердяеву, три «разных России»: Россия московская, петровская, и императорская. Наибольший исследовательский интерес представляют исторические повороты – смены векторов исторического развития, которые закономерно сопровождаются «переходами» и «переломами» культуры, так как культура фокусируется именно на границах различий, которые расчленяют ее на два полюса дуальной оппозиции¹⁷. Введение категории «между» (во второй части монографии под заголовком «Русский всадник между царством и империей») позволило рассмотреть россий-

¹⁴ Murray A. All the Kings' Horses: Royalty and their Equestrian Passions from 1066 to the Present Day. London, 2006. 304 p.; Raber K., Tucker T. The Culture of the Horse: Status, Discipline, and Identity in the Early Modern World. New York, 2016. 371 p.; The Horse as Cultural Icon. Leiden, 2011. 410 p.

¹⁵ Николаев П. В. Парсуны всадников конца XVII в. Проблема атрибуции // Наука и школа. 2011. № 4. С. 123–128.

¹⁶ Флиер А. Я. Культурная форма как предмет познания // Вестник СВФУ. Серия «Экономика. Социология. Культурология». 2016. № 4 (04). С. 45–51.

¹⁷ Ахиезер А. С. Сфера между и ее осмысление // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 125–133; Кондаков И. В. Культурогенез исторических поворотов // Лики культуры в эпоху социальных перемен. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции. Екатеринбург, 2018. С. 13–16.

скую историческую реальность как переходный процесс между обозначенными полюсами, тем самым выявив новое содержание культуры (срединную культуру).

Основное внимание уделяется периоду, ограниченному двумя событиями: венчанием на царство Ивана IV в 1547 г. и отречением Николая II от престола в 1917 г. Для понимания специфики культурогенеза и русского всадничества сделан экскурс в ранний период его истории, отмеченный оформлением основных черт исторического развития нации и образованием национальной мифологии¹⁸. Широкие хронологические рамки, охватывающие несколько столетий русской истории, позволяют проследить за исторической динамикой культурной формы русского всадничества, механизмами ее устойчивости и изменчивости специфических культурных черт.

Теоретико-методологические подходы и основы исследования. Работа выполнена как междисциплинарная, поскольку предмет исследования занимает «стыковое пространство» между *историей Отечества*, *историей русской культуры* (соприродные история и культура представляют разные ракурсы восприятия: культура отражает историю в той же мере, как история отражает социальную реальность)¹⁹ и *имагологией* – относительно новым направлением, чьим проблемным полем являются вопросы формирования национальных образов. Основным методом исследования является *культурная атрибуция* – анализ культурной формы в ее исторической динамике²⁰. Анализ сложно структурированных культурных явлений, каким является русское всадничество, обусловил применение *объективного анализа и системно-структурного подхода*; последствием этого стало освещение как позитивных, так и негативных сторон вопроса, которые в сумме составили целостное представление о нем. Методы *исторической антропологии* позволили создать «тотальную» культурную историю русского всадничества. Во внимание также принимались некоторые исходные положения современных *Human-Animal Studies*, что позволило расширить исследовательский ракурс.

Помимо этого, для достижения поставленных задач были привлечены, взятые в пересечении: *идеографический метод*, согласно которому познание начинается с описания; *историко-генетический метод*, в основе которого лежит последовательное раскрытие изменений изучаемой реальности (что, на наш взгляд, не обязывает автора к традиционному линейному изложению, увы, не позволяющему в полной мере раскрыть механизмы преемственности культурных этапов и многомерность, многослойность культуры в ее историческом развитии²¹); *историко-системный метод* – для раскрытия вопроса как совокупности взаимосвязанных событий, явлений и объектов, из взаимодействия которых складывается культурная форма всадничества; *метод периодизации* – для обозначения этапов исторического развития указанной культурной формы, разделенных качественными рубежами; *историко-биографический метод* – для анализа основных результатов деятельности отдельных исторических личностей и/или социальных групп, наибольшим образом повлиявших на развитие данной культурной формы, называя, вслед за С. О. Шмидтом²², объектом повышенного исследовательского интереса именно человека и человеческие коллективы.

Этот последний метод также нужно выделить как один из наиболее важных для настоящего исследования, поскольку в современную эпоху «антропологического поворота» вопрос о

¹⁸ Кондаков И. В. Культура России... С. 73.

¹⁹ Флиер А. Я. История как культура и культура как история // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 30; Юрганов А. Л. Культурная история России как проблема // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 7 (16). С. 17.

²⁰ Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Вестник МГУКИ. 2015. № 6 (68). С. 24–30; Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 139–144.

²¹ Кондаков И. В. Архитектоника культуры как метод исторической культурологии (на примере России) // Мир культуры и культурология. СПб., 2012. С. 147, 149.

²² Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы: сборник статей. М., 1969. С. 46.

роли личности в истории не только не утратил остроты, но и приобрел особую актуальность. Очевидно, что исторический процесс можно рассматривать как очеловеченное прошлое, т. е. – пусть только частично – как результат суммы деятельности лидеров (политических, военных, социальных, духовных, интеллектуальных и т. д.). Биографические исследования строились автором как

- 1) *модальные*, иллюстрирующие типичные культурные черты;
- 2) *контекстные*, выявляющие особенное; и
- 3) *пограничные*, указывающие границы проблемного поля.

Принятие указанной точки зрения повлекло за собой привлечение *методов просопологии* как специальной технологии изучения элит; они применялись вкуче с *микроисторией*; взятые вместе, они способствовали расширению представления об изучаемой эпохе посредством максимально детализированного погружения в нее. С этой же целью применялись методы *гендерной истории* и *истории повседневности*.

Семантическое поле исследования определяют следующие категории:

- 1) *культурная черта* – отдельный существенный признак культурного объекта и/или явления;
- 2) *культурная форма* – совокупность культурных черт;
- 3) *культурный символ (символический образ)* – коммуникативно обобщенная образная культурная форма, ее «символическая нагрузка»²³.

Классификация источников и критерии их отбора. Характер исследования предполагает задействование широкого круга источников, объединенных единой концепцией. Основной массив составили письменные источники, опубликованные и не опубликованные. Неопубликованные архивные документы – преимущественно те, что отложились в личных фондах представителей дома Романовых и их ближайшего окружения (лично-биографические, имущественные дела и др.), а также в Коллекции документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца.

Неполнота архивных документов потребовала привлечения значительного ряда уже опубликованных материалов. Привлекаемые материалы этой группы можно разделить на традиционные для культурно-исторического исследования источники (актовая и делопроизводственная документация, статистические и справочные источники, мемуары-автобиографии и мемуары – современные истории, записки и дневники, воспоминания, частная переписка и архивы, публицистика, периодика (газеты, журналы, повременные издания), исторический нарратив, и источники специального характера (разноплановая иппологическая литература).

Стоит учесть, что характер настоящего исследования делает особенно значимыми военно-административную и военно-уставную документацию и документы учетного характера (описи частного и казенного имущества, перечневые ведомости, табели).

Существенную часть источниковой базы исследования также составили вещественные источники. Большинство проанализированных вещественных источников – из музейных собраний Москвы и Санкт-Петербурга и его пригородов (ГЭ, Музеи Московского Кремля, ГИМ, ГМВ, МО «Музей Москвы», Государственный музей истории Санкт-Петербурга, ГМЗ «Царское село», ГМЗ «Петергоф», ГМЗ «Павловск», ГМЗ «Гатчина»). Отдельно нужно выделить вещественные источники из военно-исторических музеев (ЦМ ВС РФ, Музей Отечественной войны 1812 года, Музей военной формы одежды РВИО, ВИМАИВиВС, Государственный мемориальный музей А. В. Суворова). К анализу также привлекались вещественные источники из собраний зарубежных музеев (Вены, Стокгольма, Дрездена).

²³ Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992. С. 191; Флиер А. Я. Культурная форма как предмет познания. С. 49; Флиер А. Я. О природе культурного символа // Вестник МГУКИ. 2016. № 1 (69). С. 51–57.

Особенно полезными для настоящего исследования были собрания музеев, посвященных истории лошади и истории кавалерии: Научно-художественного музея коневодства при РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева (в том числе более 4 000 ед. хр., представляющих работы Н. Е. Сверчкова), Музея лошади в Шантийи и Музея кавалерии в Сомюре (оба – Франция). Были проанализированы как дошедшие до наших дней, так и утраченные собрания (Придворно-конюшенного музея, полковых музеев и музеев военно-учебных заведений).

Во внимание принимались и материалы частного коллекционирования: собрания русской элиты, прежде всего представителей дома Романовых и их ближайшего окружения. Особую ценность представляют царскосельский Арсенал императора Николая I (коллекция была передана в Императорский Эрмитаж и в настоящее время частично хранится в ГЭ) и утраченный «Лошадиный музей» великого князя Николая Николаевича старшего.

Также к работе привлекались изобразительные источники: живопись (конный портрет – один из самых распространенных типов парадного и царского портрета; батальная и бытовая картина; анималистика), графика (в том числе книжная), скульптура, декоративно-прикладное искусство. Отечественная иконография всадника появляется в XII в. (в начале столетия – на фресках киевской Св. Софии и в ювелирном искусстве Новгорода, в его конце – всадники с резных белокаменных фасадов Дмитровского собора во Владимире и с княжеских печатей).

Изобразительные источники XVI–XVII вв. уже довольно многочисленны: это первые конные царские портреты (царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича), обширная иконография конных святых воинов, многочисленные гравюры, изображающие русских всадников («*Nobilis Moscovita habitu atque armis equestribus*» и др. А. де Брюна, «*Eqves Moscoviticus*» Й. Аммана, «*Soldato Moscovita à Cavallo*» Ч. Вечелли), рисунки (сделанные со слов С. Герберштейна А. Хиршфогелем для «Записок о Московии» и «Заметок о России» Э. Пальмквиста), первые исторические картины²⁴.

Изобразительные источники XVIII столетия – преимущественно парадные конные и «конские» портреты (работы Г. Х. Гроота, Л. Каравака, В. Эриксона, Л. К. Пфандцельта, И. Г. Таннауэра, Г. К. Преннера, И. Я. Вишнякова, А. Ф. Зубова). К этому же периоду относится первый отечественный конный скульптурный портрет – конный памятник Петру I работы Б.-К. Растрелли, задуманный Петром и имеющий концептуальное значение и для него самого, и для национально-государственной идеи²⁵, и один из наиболее символических конных скульптурных портретов в мировой истории искусства – «Медный всадник» Э. М. Фальконе, эталон иконографии всадника в парадигме власти.

Как массовый источник конный портрет появляется в XIX столетии, когда, вместе с романтизмом, пришла мода на военный конный портрет. «Конные» источники этого периода, до начала XX в. включительно, – это работы Ж. В. Адама, И. Б. Лампи – младшего, А. Ж. Гро, Ф. Крюгера, Б. П. Виллевалде, К. Гампельна, В. Ф. Тимма, А. О. Орловского, Ф. А. Рубо, П. К. Клодта, Е. А. Лансере, П. П. Трубецкого, О. Монферрана, А. П. Швабе, А. И. Дмитриева-Мамонова, Н. Д. Дмитриева-Оренбургского, В. А. Серова, С. А. Коровина, Н. Е. Сверчкова, К. П. Брюллова, М. А. Зичи и многих других художников второго, третьего круга и далее). Стоит отметить популярность и массовость «коннозаводского портрета» этого же периода.

Также в работе использовались кино- и фотодокументы из ГАРФ, РГАКФД и ЦГАКФФД.

Структура монографии сформирована по проблемно-хронологическому принципу изложения, который позволил в наибольшей мере приблизиться к воспроизведению реальных исторических событий и показать причинно-следственные связи и закономерности развития исторического процесса; здесь хронология выступает как внутренний механизм культурного

²⁴ Русский музей представляет: Лошади в русском искусстве. Альманах. Вып. 12. СПб., 2001. С. 10.

²⁵ Чижина Ю. И. История лошади: интерпретация античной идеи в конном монументе Петру I работы Б.-К. Растрелли // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2015. № 5. С. 513.

смысла, обнаруживающего свою символическую природу²⁶. Трехчастная структура монографии соответствует трем «разным Россиям» (по Н. А. Бердяеву). Иллюстративные и текстовые приложения, значительная часть из которых опубликована впервые, суммируют источниковедческую основу исследования и поясняют его основные положения.

В первую очередь издание предназначено для специалистов по истории русской культуры. Предложенные материалы могут найти применение в деятельности в области культурологии, культурной антропологии, социальной и гендерной истории, военной истории, истории материальной культуры, истории России.

²⁶ Кондаков И. В. Ю. М. Лотман как культуролог (в эпицентре «большой структуры») // Юрий Михайлович Лотман. М., 2009. С. 238.

Часть 1. Всадник Московского царства

ГЛАВА 1. ДИАДА «КОНЬ И ВСАДНИК»: САКРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СВЯЗИ

1.1.1. ИСТОРИЯ И ИКОНОГРАФИЯ ПОЧИТАНИЯ HEROS EQUITANS. КОНЬ И ВСАДНИК В МИФАХ И ОБРАЗАХ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Эволюция мифологического сознания относится к числу фундаментальных процессов, сопровождающих становление культуры. Мифология как первооснова хранения и трансляции информации о культурном состоянии общества, а в особенности – поворотные пункты мифогенеза, может рассматриваться как ключ к познанию культурогенеза как совокупности целого ряда процессов становления культуры и ее наиболее фундаментальных параметров²⁷.

В ранние периоды истории благополучие традиционно связывалось с конем, который играл первостепенную роль в жизни человека с момента своего одомашнивания, т. е. с раннего бронзового века²⁸. Первые коневоды жили в середине IV тыс. до н. э. Культурное почитание коня оформляется в ту же эпоху: первый документированный факт существования культа коня у племен, населявших Восточную Европу, относится к концу IV тыс. до н. э. или к рубежу III тыс. до н. э.²⁹

И тогда, и в более позднее время отношение к этому животному не было однозначным: культ имел дуалистический характер, в котором просматривались героическая солнечная и погребальная хтоническая сущности. Конь как символ заходящего и восходящего солнца, смерти и воскресения солнечного божества, был самым тесным образом связан с неразрывным циклом «смерть – возрождение – бессмертие», где он чаще всего сопровождал героя в его подвигах, смерти, воскресении и апофеозе.

В изучении собственно культа коня оформилось четыре подхода³⁰. Тотемические представления, в соответствии с которыми сопребение человека с конем есть отголоски верований в их тотемное родство, не получили подтверждения. Согласно хтоническому подходу, конь олицетворял божество потустороннего мира. При рассмотрении роли коня с утилитарно-практической стороны обыкновено выделяются его функции как погребального инвентаря, транспортного средства (отвечающего за доставку умершего к месту погребения и на тот свет, а затем служение покойному на том свете) и пищи для покойного и/или его души. Согласно наиболее распространенной культурно-ритуальной теории, конь имеет некое ритуальное значение, но является не объектом, а атрибутом культа³¹. Представления о том, что герой подчиняет

²⁷ Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Регион Докса. Источниковедение культуры. М., 2005. С. 53–56; Кондаков И. В. Культурогенез исторических поворотов. С. 16; Флиер А. Я. Культурогенез в истории культуры // *Общественные науки и современность*. 1995. № 3. С. 140.

²⁸ Кузьмина Е. Е. Кони степей Евразии в эпоху неолита и бронзы // *Кони, колесницы и колесничие степей Евразии*. Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010. С. 5–6.

²⁹ Ковалевская В. Б. Конь и всадник. Пути и судьбы // *АН СССР, Ин-т востоковедения*. М., 1977. С. 19.

³⁰ Шапиро Б. Л. Конь и всадник в мифах и образах русской культуры // *Альманах НОКО России «Мир культуры и культурология»*. Вып. VI. СПб., 2018. С. 209–215.

³¹ Шапиро Б. Л. Реликты славянского культа коня в погребальном обряде государственного чина по московскому обычаю // *Клио*. 2016. № 7 (115). С. 134.

своей воле одно из наиболее сакрализованных животных, были устойчивы и в мировой, и в русской мифологии.

Получив самостоятельное символическое значение, образ всадника стал воплощением сакрального статуса героя. История и иконография почитания всадника восходят к «темным векам» Античности, когда в святилищах появляются первые скульптурные изображения *Heros Equitans*. «Идеальный всадник» изображен на фризе Парфенона³². Впоследствии выделяются иконографические образы конного воина-святого и конного царя-триумфатора, первый из которых восходил к позднеантичному культу мучеников, а второй – к триумфальной культуре императорского Рима; оба образа были развиты в Византии.

Античные корни диады «всадник – конь» прослеживаются и в славянской, и в древнерусской мифологии, где конь – спутник воина или героя – был постоянным мотивом эпоса. Триумфальная колесница Гелиоса считалась символом власти старшей ветви Рюриковичей и затем великокняжеской власти вплоть до второй половины XV в.

В русской культуре развитие образа всадника продолжалось в контексте трех основных «конных парадигм», тесно связанных и взаимовлияющих: царской или имперской (т. е. парадигмы власти), религиозно-мифологической и фольклорной³³. Чаще всего конь выступал как парадно-сакральное существо³⁴ и семантически связывался с властителем: согласно мифологической генеалогии, древнерусские князья считались потомками Дажьбога, при котором был установлен институт княжеской власти.

Отечественная иконография всадника появляется в начале XII в. на фресках киевской Св. Софии и в ювелирном искусстве Новгорода (змеевик с изображением св. Георгия-змееборца)³⁵. К концу XII в. относятся всадники с резных белокаменных фасадов Дмитровского собора во Владимире, к XIII в. – с княжеских печатей Мстислава Мстиславича Удалого и внуков Всеволода Большое Гнездо – Всеволода Юрьевича и Александра Ярославича (Невского). В это же время были сделаны каменная иконка св. Георгия и костяная статуэтка коня из Новгорода³⁶.

Широкое распространение образа всадника в сфрагистических (а позднее и нумизматических) памятниках Древней Руси свидетельствует о его значении для русской великокняжеской культуры. При Александре Невском известно уже несколько типов изображений: скачущий воин с копьем наперевес, скачущий всадник с вертикальным копьем, едущий всадник с вертикальным копьем и всадник, скачущий с мечом к плечу (все перечисленные типы имели нимб³⁷; последний тип имел наибольшее распространение) и скачущий всадник с мечом (без нимба)³⁸.

Еще одним устойчивым иконографическим сюжетом был «змееборец» (также «драконоборец») – всадник-воин, поражающий врага, зверя или человека. Его изображение обнаруживает внешнее сходство с образом Траяна, копьем или дротиком поражающего поверженного под копыта его коня противника, но отличается от него по смыслу. Первоначально на русских печатях изображался не сам князь, а покровительствующий ему святой – союзник и спаситель,

³² *Соболев А. Н.* Балканский культ всадника и принцип множественности // *Laurea Logae*. Сб. памяти Л. Г. Степановой. СПб., 2011. С. 597.

³³ *Фатеева Н. А.* Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. С. 206.

³⁴ *Мусин А. Е.* *Milites Christi* Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. С. 189.

³⁵ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 66.

³⁶ *Бузыкшина Ю. Н., Трубицын К. В.* Всадники на русских иконах. Можно ли доверять древним образцам? // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2012. № 1–2 (4–5). С. 83; *Трубицын К. В.* Как новгородцы коня снаряжали // Родина. 2009. № 9. С. 87.

³⁷ Согласно византийской иконографической традиции, лица царского рода могли изображаться с нимбами.

³⁸ *Королёв Г. И.* Всадник в европейской сфрагистике, нумизматике и геральдике // Труды Историко-архивного института. Т. 34. Сб. ст. геральдического семинара ИАИ РГГУ. Вып. 1. М., 2000. С. 40–41.

оберегающий от бедствий³⁹. Наиболее прочно на монетах и печатях утвердились образы св. Димитрия (Солунского) и особенно св. Георгия⁴⁰, который позднее стал гербовой фигурой.

В сфрагистике образ небесного покровителя заменяется более или менее условным символическим «портретом» (часто не имеющим буквального портретного сходства), начиная со времен Александра Невского, а в нумизматике – с Ивана Грозного. Соединение в одной фигуре святого черт правителя и его патрона было данью византийской традиции параллелизма монарха и Бога; прочно связывались они и в русском средневековом сознании. Общая символика образа не нарушалась в силу идеи о божественном происхождении царя и царской власти. Но царь приобретал сакральность не сам по себе, а лишь по исполнению своей миссии, главной составляющей которой считалась защита отечества⁴¹.

1.1.2. ВОИН-ВСАДНИК КАК СИМВОЛ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Первоначально святые защитники изображались пешими, а их образы заимствовались из Византии⁴², что подчеркивало преемственность культур. Переход от образа пешего к образу всадника не был случайным. Хронологически он совпадает с тем временем, когда на Руси складывается всадническая субкультура⁴³. Меч и конь были атрибутами воина уже в дохристианское время⁴⁴, а появление профессионального конного воина происходит в период с середины XI до XIII в. Об этом свидетельствует качественный скачок во всадническом снаряжении⁴⁵ и сопутствовавшая ему высокая степень освоения коня.

С началом этого процесса можно связать и первое упоминание об участии русских всадников в конном сражении. Это битва под Сновском 1069 г., где Святослав Ярославич с дружиной разгромил половцев «ударив в конь»⁴⁶. Это время оформления структуры русского войска, главную силу которого составляла конница⁴⁷. Власть принадлежала тому, кто стоял в ее главе: правитель «воинниками силен и славен»⁴⁸, предводительствовал ими.

Появление обширной воинской иконографии совпадает с этим периодом: образ, ставший массовым, не был случайным. Так древнерусское искусство пополнилось бесчисленным количеством изображений святых воинов-всадников, покровителей монарха, его военачальников и

³⁹ Так, св. Димитрий Солунский покровительствовал семье князя Изяслава Ярославича (в крещении Димитрия) и князю Дмитрию Донскому. См.: *Саенкова Е. М., Герасименко Н. В.* Иконы святых воинов. Образы небесных защитников в византийском, балканском и древнерусском искусстве. М., 2008. С. 63. Образ святого всадника-покровителя был преемственным, и переходил от отца к сыну с передачей власти. См.: *Королев Г. И.* Всадник в европейской сфрагистике, нумизматике и геральдике. С. 41. В мифологии кони героев могли наследоваться от отца к сыну (типично). См.: *Багдасаров Р. В.* Символика вымышленного коня в русской традиционной культуре // Россия и гнозис: Материалы конференции, 24–25 марта 1998. М., 1999. С. 32.

⁴⁰ Св. Георгий на иконах обозначается как воин без бороды и усов, в красном плаще, на белом коне; у Димитрия – зеленый плащ и вороной конь. См.: *Кочетков И. А.* К истолкованию иконы «Церковь воинствующая» («Благословенно воинство небесного царя») // ТОДЛР. Т. 38: Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. Л., 1985. С. 188. Вороной конь в русской мифологии обозначал удаль, белый – величие. См.: *Багдасаров Р. В.* Символика вымышленного коня... С. 24.

⁴¹ *Андреев И. Л.* Образ шествующей власти. Первые Романовы в церковных и придворных церемониях // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время. М., 2008. С. 224–225.

⁴² Которые, в свою очередь, унаследовали античную иконографию. В Византии понятие «небесное воинство» оформилось с конца IX в. См.: *White M.* Military Saints in Byzantium and Rus, 900–1200. Cambridge, 2013. P. 94.

⁴³ В рамках дружинной культуры. См.: *Мусин А. Е.* Milites Christi Древней Руси... С. 187–188.

⁴⁴ Согласно Збручскому Святовиту IX в. См.: *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 243.

⁴⁵ *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–36. Л., 1973. С. 10.

⁴⁶ *Михайлов К. А.* К вопросу о формировании всаднической субкультуры в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 93–103.

⁴⁷ *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника... С. 86; *Королев Г. И.* Всадник в европейской сфрагистике... С. 35.

⁴⁸ *Мельникова А. С.* Место монет Ивана Грозного в ряду памятников идеологии самодержавной власти // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 613.

армии, сменивших одеяние и крест мученика⁴⁹ на доспехи, оружие и коня. В деяниях святых акцент переносится с мученичества на «чудеса», где главным героем выступает физически развитый, облаченный в доспехи и вооруженный всадник-победитель. В святцы вписываются сотни имен воинов, известных как по личным, так и по коллективным подвигам. К единичным, двойным и парным изображениям святых воинов добавляются групповые «портреты», представленные в виде кавалькады всадников: кроме упомянутых выше св. Георгия и Димитрия, чаще прочих здесь выступают св. Феодор Тирон, Феодор Стратилат, Прокопий, Меркурий, Евстафий, Нестор, Артемий⁵⁰.

Апофеоз русского всадничества запечатлен в огромной⁵¹ хроникальной иконе «Благословенно воинство небесного царя» («Церковь воинствующая»), написанной для Успенского собора Московского Кремля. Икона изображает возвращение в Москву русского войска после победоносного Казанского похода 1552 г. Здесь под предводительством архангела Михаила и Ивана Грозного⁵² идут нескончаемые пешие и конные полки. В составе торжественного шествия проходят те, кто был ранен во время войны, но остался в живых (согласно посланию митрополита Макария, им обещано от бога отпущение грехов, здоровье и долголетие). Здесь же изображены павшие на войне, которым будут даны венцы мучеников и место в небесном Иерусалиме, т. е. в раю: «А иже случится кому ныне от православных крестиян на том вашем царском ополчении не токмо кровь свою пролияти, но и до смерти пострадати за святыя церкви и за православную веру крестиянскую и за множество народа людей православных <...> той по реченному господню словеси второе мученическое крещение восприимет пролитием своея крови и очистятся и омывает от душа скверну своих согрешений и добре очистят свою душу от грех и восприимет от господя бога в тленных место нетленна и небесная и в труда место вхождение вышняго града Иерусалима наследие. И за оружие, и за благострадание телесное вечных благ восприяти, а за мечное усечение и копейное прободение с мученики, и со ангелы радость неизреченную, по божественному апостолу реченное восприимут, их же око не виде и ухо не слыша и на сердце человеку не взыде, яжеуготова бог любящим его в день от мздовоздателя праведного судьи господя бога терпения венец восприимут и потом и вечныя жизни в бесконечныя веки. Аминь»⁵³.

Именно с этого времени⁵⁴ образ всадника в русской культуре получил устойчивые апокалиптические и эсхатологические коннотации. Смена парадигмы подчеркивалась новым знаменем русского войска. Главными героями «Великого стяга» Ивана Грозного, созданного после Казанского похода, были избраны Спаситель на белом коне и небесное конное воинство под предводительством архангела Михаила на золотом крылатом коне, в правой руке которого был меч, а в левой – крест.

Култ Михаила Архангела, который в образе всадника на крылатом коне выступает как предводитель небесного воинства, был традиционным для Руси дружинным культом⁵⁵. В московской традиции его образ также связывался с великокняжеской и царской властью⁵⁶.

⁴⁹ Образ святого воина происходит из образа мученика, посредника между богом и молящимся.

⁵⁰ Этот перечень не был постоянным. В первой половине XVI в. предпочтение отдавалось Георгию, Димитрию, Никите, Мине, Феодору Стратилату (почитание которого начало преобладать над почитанием Феодора Тирона). К концу XVII – началу XVIII в. формируется новый ряд. См.: Саенкова Е. М., Герасименко Н. В. Иконы святых воинов... С. 27, 31.

⁵¹ Размер картины 396 × 144 см (в настоящее время в собрании ГТГ).

⁵² Некоторые исследователи видели св. Георгия в фигуре юного конного воина. См.: Мельникова А. С. Место монет Ивана Грозного в ряду памятников идеологии самодержавной власти. С. 614.

⁵³ Кочетков И. А. К истолкованию иконы «Церковь воинствующая». С. 190.

⁵⁴ Страхи мифологического характера были обусловлены ожиданиями конца света в 1492 г. (по истечении 7000 г. по византийскому календарю); так, например, против этой даты в одном из текстов были пометы «Зде страх! Зде скорбь!». См.: Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 306.

⁵⁵ Щеглова Л. В., Саенко Н. Р. Образ благородного всадника: культурные модели. М., 2010. С. 64. Внутри древнерусской дружинной культуры можно выделить различные по локализации субкультуры. Так, змеевики с образом Михаила Архангела

Покровителем великих князей был св. Георгий: он традиционно изображался на белом коне, что означало светлое начало и борьбу с враждебными силами. Этот образ древнерусской культуры⁵⁷ восходит к дохристианскому символизму священного всадника на белом коне, когда «понятия светлого, благого божества и святости неразлучны, и последнее – прямой вывод из первого»⁵⁸. На белом длинногривом коне бог богов Святovit выезжал на войну; его конь был главным символом культа и главным жертвенным животным, помещенным на вершину ритуальной иерархии⁵⁹.

На Руси св. Георгия рассматривали как собирательный образ и преемника Перуна, Дажьбога или солнечного конного бога Хорса. Его культ, как и культ Михаила Архангела, был занесен из Византии, для обозначения родства великого князя киевского Ярослава с византийским василевсом. Здесь культ не только сохранил характер кастовой исключительности, но и приобрел новые черты: святой всадник не только был небесным покровителем земных правителей и их защитником в ратных делах, но, кроме того, даровал победу.

Введение новых черт культа и отказ от византийского образца означали оформление национальной мифологии, национальной истории и понимание истории Отечества как самоценной⁶⁰. Частью этой идеологии стала концепция «Москва – Третий Рим», где Россия занимает место Византии, а русский великий князь – место византийского василевса. Происходит расцвет воинской житийной иконографии, связывающей воедино образ и легенду. Конный воин, побеждающий силы зла с оружием в руках, превращается в символ героизма и победы над смертью. Святой уступил место эпическому образу, который стал одним из культурных символов русской истории.

Так на основе древнего архетипа «конь и всадник» оформился универсальный героизированный образ всадника-воина; находясь в тесной связи с царской властью, он получил выраженные сакральные функции. Бытование образа всадника-воина в пространстве русской культуры было связано не только с величием воинского подвига, но и с апокалиптическими и эсхатологическими представлениями, связанными с особой царской миссией.

1.1.3. КОНЬ КАК РИТУАЛ И СИМВОЛ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ: СТРАШНЫЙ СУД ИВАНА ГРОЗНОГО

Когда же Грозный приблизился к Новгороду, новгородцы не узнали об этом раньше, чем он находился на расстоянии мили от города; тогда-то они стали кричать, что для них наступает Страшный Суд⁶¹.

В русском Средневековье, когда люди рассматривали животных прежде всего с точки зрения идеи Божественного творения, и наделяли их мифологическими свойствами, конь занимал одно из центральных мест в сложившейся иерархии ритуальных животных. Он высту-

чаще встречаются в Новгороде, для Киевской Руси более характерны изображения св. Георгия. См.: Мусин А. Е. *Milites Christi Древней Руси*... С. 198.

⁵⁶ Не только в московской, но и во вселенской традиции. См.: Панченко А. М. *Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры*. Т. 3. XVII – начало XVIII века. М., 1996. С. 23.

⁵⁷ Символика белого коня отразилась не только в древнерусской иконографии, но и в ее обрядности, например в «шествии на осляти».

⁵⁸ Афанасьев А. Н. *Поэтические воззрения славян на природу*. Т. 1. М., 1865. С. 96.

⁵⁹ Фамицын А. С. *Божества древних славян*. СПб., 1884. С. 206.

⁶⁰ Другим ключевым моментом стало введение в круг «византийских» святых воинов национальных русских святых Бориса и Глеба. Именно к ним обращались в важных военных предприятиях, например перед взятием Казани. См.: Лазарев В. Н. *Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Византийский временник*. 1953. № 6. С. 212; Саенкова Е. М., Герасименко Н. В. *Иконы святых воинов*... С. 244; White M. *Military Saints in Byzantium and Rus, 900–1200*. P. 132.

⁶¹ Юрганов А. Л. *Опричнина и страшный суд // Отечественная история*. 1997. № 3. С. 53.

пал в роли и объекта сакрализации, и сакрального атрибута, где был солнечным божеством⁶², замещающим его символом или спутником: «если присоединить сюда старинное название солнца колесом, то перед нами явится и колесница, и кони, и сам всадник-солнце»⁶³. Одновременно «убранным звездами солнцем» называли и московского царя, который являлся своим подданным облаченным в драгоценные одежды, расшитые алмазами и жемчугом⁶⁴.

Также для русского мифологического сознания были характерны представления о дуальности символов: «двойко каждое творение, хотя бы в нем предполагали зло, но и добро обретается»⁶⁵. Были наполнены неоднозначным содержанием и представления о коне.

В эпоху первого русского царя Ивана IV Васильевича конь продолжает исполнять традиционные для себя роли и объекта сакрализации, и сакрального атрибута⁶⁶. В это время⁶⁷ здесь практикуется обряд освящения коня, после чего его особенные свойства, согласно специфике средневекового сознания, еще более усиливаются. Вот как описывает Р. Ченслер Великое водосвятие, происходившее перед кремлевскими Тайницкими воротами⁶⁸ в 1554 г.: «Привели царских жеребцов напиться этой воды; также и другие многие приводили сюда своих лошадей – напоить их; через это делали своих лошадей столь святыми, как и самих себя»⁶⁹.

Свидетельство Ченслера подтверждается записками других очевидцев: А. Дженкинсона, бывшего в Москве в 1557–1571 гг., который упоминает, что «привели [на водокрещение] и лучших царских лошадей пить упомянутую святую воду»⁷⁰, и Дж. Флетчера: он был здесь в 1588 г. и, следовательно, мог наблюдать за обычаями, бытовавшими по смерти Ивана IV. «Такой обряд совершается в Москве с большим торжеством и пышностью, в присутствии самого царя со всем дворянством, начинаясь ходом в виде процессии через все улицы к Москве-реке <...> Когда церемония окончится, то сначала царские телохранители, а потом и все городские обыватели идут со своими ведрами и ушатами зачерпнуть освященной воды для питья и всякого употребления <...> После людей, ведут к реке лошадей и дают им пить освященную воду, чтобы и их освятить», – замечает Флетчер⁷¹.

Уподобление царя богу было традиционным для русского самознания, поскольку «российского царствия самодержавство божьим изволением началось»⁷² и «царь убо властью подобен вышнему Богу»⁷³. «В конце концов, все – как вельможи, так и чиновники, как люди свет-

⁶² У славян конь выступает как спутник Перуна, Хорса и особенно Дажьбога, словами Ипатьевской летописи, «Солнце цесаря, сына Сварогова, еже есть Дажьбог, бе муж силен». См.: *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* Скифы и славяне: мифологические параллели // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 112.

⁶³ *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. С. 593.

⁶⁴ *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. // ЧОИДР. 1891. № 3. С. 52. Б. Таннер был в составе польско-литовского посольства Михаила Сапеги и Казимира Чарторыйского в 1678 г.

⁶⁵ *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. С. 338.

⁶⁶ *Шапиро Б. Л.* Страшный суд Ивана Грозного: конь как ритуал и символ // Альманах НОКО России «Мир культуры и культурология». Вып. V. СПб., 2016. С. 110–116.

⁶⁷ Все свидетельства бытования обряда (секретарь австрийского посольства И. Х. Гвариента И. Корб называет его «благословением реки») относятся к третьей четверти XVI в. Позднее, по словам Корба, лошади участвовали в обряде в другой роли: шесть белых лошадей привозили «сосуд, напоминавший своей фигурой саркофаг. В этом сосуде надлежало затем отвезти благословенную воду в дворец его Царского Величества». См.: *Акельев Е. В.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С. 111–113.

⁶⁸ Лошади пили из «московской Иордани», которая устраивалась на этом месте до начала XVIII в. Выходом государя к Иордани завершался крестный ход в день Богоявления и в другие крупные церковные праздники. См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2014. С. 455.

⁶⁹ *Ченслер Р.* Известия англичан о России во второй половине XVI века // ЧОИДР. 1884. № 4. С. 18.

⁷⁰ *Дженкинсон А.* Путешествие из Лондона в Москву 1557–1558 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937. С. 78.

⁷¹ *Флетчер Дж.* О государстве русском, или образ правления русского царя. СПб., 1906. С. 116.

⁷² См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Цит. по: *Ахизер А. С.* Циклизм ценностных основ российской власти: от Ивана IV до конца советского этапа // Россия и современный мир. 2003. № 3 (40). С. 31.

⁷³ *Зимин А. А.* О политической доктрине Иосифа Волоцкого // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 177. Цит. по: *Черная Л. А.*

ского сословия, так и духовного, – официально признают, что воля государева есть воля Божья и, что бы государь ни совершил, хотя бы и ошибочное, он совершил по воле Божьей. Поэтому они даже верят, что он – ключник и постельничий Бога и исполнитель его воли», – подтверждает А. Гваньини⁷⁴. «Так угодно Богу и Великому государю», – эта фраза была обыкновенной для эпохи, когда оформлялась первая русская концепция царской власти⁷⁵.

Эта особенность средневекового сознания дала Ивану IV обоснование его исключительной миссии судии, наказывающего зло в последние дни перед Страшным судом: «Яз же убо верую, о всех своих согрешениях вольных и невольных суд прияти ми, яко рабу, и не токмо о своих, но и о подвластных дати ми ответ, аще что моим несмотрением погрешитя»⁷⁶. Эта миссия, когда, по свидетельствам очевидцев И. Таубе и Э. Крузе, царь «сжигал и убивал все, что имело жизнь и могло гореть, скот, собак и кошек, лишал рыб воды в прудах, и все, что имело дыхание, должно было умереть и перестать существовать»⁷⁷, стала основным предназначением его деятельности.

Наказания грешных воплощались посредством системы казней. Отдельные казни Страшного суда Ивана IV тесно связаны с животными: зверями, птицами, рыбами и змеями⁷⁸. Связан с ними и конь: находясь в сакральном пространстве тирана, он выступает как особый символ царской власти.

Система царских казней строилась как исключительно дихотомическая, водно-огненная, согласно атрибутам Страшного суда – огненной реке и озеру⁷⁹. Согласно концепции, в казни так или иначе присутствовали вода или огонь: «а если стража кого-нибудь хватала, его сейчас же тут же у заставы бросали в огонь со всем, что при нем было – с повозкой, седлом и уздечкой»⁸⁰.

Водные казни принимали бесконечно разнообразные формы. Практиковалось утопление заживо привязанных к коням или к саням/телеге. Подобное применялось довольно часто, в том числе и к членам царской семьи. Так были умерщвлены Мария Долгорукая, возможно, одна из жен тирана, и вдова его родного брата Иулиания Палецкая⁸¹. «Жена этого брата лежала перед ним на земле, скрыв лицо, моля о сострадании; он приказал своим приспешникам схватить ее, содрать одежду и позорно обнажить. Эта несчастная очень долго стояла обнаженная перед глазами всех. Потом какой-то солдат, по приказанию государя, связал ее веревкой, посадил на лошадь и быстро погнал ее, без всякого сожаления, в реку, свалил ее в воду и погубил. Так безжалостно и нечестиво обошелся великий князь с братом и невесткой», – сообщает Гваньини⁸².

Антропологический код древнерусской культуры. М., 2008. С. 272.

⁷⁴ На сегодня сочинения А. Гваньини, созданные в первой половине 1570-х гг., имеют репутацию добротных компиляций, однако «безымянный литератор пушкинского времени так представлял Гваньини русскому читателю: „Среди шума военного занимаясь науками, он написал... весьма важную книгу о нашем отечестве... о естественном и гражданском состоянии России“». См.: *Козлова Г. Г. Александр Гваньини и его сочинения // Гваньини А. Описание Московии. М., 1997. С. 6.*

⁷⁵ *Гваньини А. Описание Московии. С. 93.*

⁷⁶ *Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. С. 380.*

⁷⁷ *Таубе И., Крузе Э. Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе // Московия при Иване Грозном глазами иностранцев. М., 2014. С. 129.*

⁷⁸ *Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. С. 364–366.*

⁷⁹ *Юрганов А. Л. Опричнина и страшный суд. С. 54.*

⁸⁰ *Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925. С. 92.* Для современников такая казнь могла иметь семантическое значение жертвоприношения, напоминая о совместном сжигании человека и коня в языческий и раннехристианский периоды русской истории. В славянской древности оно исполнялось во всей его полноте – труп коня хоронился или сжигался целиком, как и труп его хозяина. Это весьма торжественный вариант захоронения, которого устраивались только вожди и знатные воины. Еще одним вариантом сожжения с конем, который наблюдался и в средневековой Руси, было погребение с конским снаряжением и/или с чучелом коня. Форму жертвоприношения имели оба ритуала. См.: *Анучин Д. Н. Сани, лады и кони как принадлежность похоронного обряда. М., 1890. С. 109; Шапиро Б. Л. Реликты славянского культа коня... С. 136–137.*

⁸¹ В Синодике Ивана Грозного И. Палецкая упоминается как инока Александра. См.: *Синодик царя Ивана Васильевича Грозного // Устрялов Н. Г. Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. 373.*

⁸² *Гваньини А. Описание Московии. С. 131.*

Конь был избран средством для казней иной, не водно-огненной, но, неизменно, бинарной природы. Он был первым в ряду дорогих даров, предназначенных для иноземных посланников⁸³, и для них же – поруганием, когда «у многих связали руки и отдали во власть русскому всаднику, который, зацепив ремень, приказал бежать за ним»⁸⁴. Поругание по воле властителя могло превратиться и в казнь, когда «раздетых донага, несмотря на мороз, без жалости избивали, привязывали по три и по четыре к хвостам лошадей и тащили, полумертвых-полуживых, заливая кровью дороги и улицы»⁸⁵.

Исполнители царской воли поили коней – и тут же «поили» мертвецов, как в казни князя Ростовского. По рассказу А. Шлихтинга, «Ростовского, связанного, положенного на повозку и одетого в грязное платье, увезли с собою. Отъехав от Новгорода на расстояние приблизительно трех миль, подводчики остановились и начинают топорами разбивать лед на реке, чтобы образовать прорубь. Ростовский <...> спрашивает, что они хотят делать. Те отвечают, что собираются напоить коней. „Не коням, – сказал Ростовский, – готовится эта вода, а голове моей“. И он не обманулся в этой догадке. Именно: один из убийц, слезши с коня, отрубил ему вслед за тем голову, а обезображенное тело его велел бросить в реку, голову же взял с собою и отнес ее к самому тирану»⁸⁶.

Утилитарно-практическая роль коня, который выступает как транспорт для смертного пути, была одной из наиболее понятных функций, приписываемых коню еще с языческих времен. Конь-перевозчик доставляет умершего не только к месту погребения, но и на тот свет, а затем служит и как транспорт, и как верный друг покойному на том свете. Известно, что древние умерщвляли лошадей, принимавших участие в погребальной процессии, а погребальный транспорт ломали или переворачивали: этот ритуал осуществлялся согласно поверью, что и сломанная повозка, и убитая лошадь возродятся в загробном мире, чтобы снова служить хозяину⁸⁷.

В концепции Страшного суда Ивана IV конь и повозка (телега) продолжали выполнять эту роль. «Тиран тотчас велит посадить [начальника над стрельцами воеводу Василия Дмитриевича⁸⁸] на телегу, привязать его к ней и ехать на лошади, у которой предварительно выкололи глаза, и гнать слепую лошадь с привязанным Василием в пруд, куда он и свалился вместе с лошадей. Тиран, видя, что он плавает на поверхности вод, воскликнул: „Отправляйся же к польскому королю, к которому ты собирался отправиться, вот у тебя есть лошадь и телега“»⁸⁹.

⁸³ Например, после взятия Полоцка в 1563 г. Иван IV послал крымскому хану «полоцкого взятъя» жеребца в полном убранстве. См.: *Юзефович Л. А.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007. С. 130. Лошади в драгоценном убранстве были и в числе посольских даров Ивану IV. Так, дарами короля Стефана Батория, присланными с посольством Л. Сапеги в 1584 г., были кони в «римском» и «турском» уборах, запряженная шестериком карета и «збруя позлатистая римская на коня и на человека». См.: *Загородняя И. А.* Дипломатические дары русским царям из Речи Посполитой (по материалам книг приездов польских великих послов второй половины XVII в.) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2003. С. 74–75.

⁸⁴ *Юстен П.* Посольство в Московию 1569–1572 гг. СПб., 2000. С. 123. По словам А. М. Курбского, еще с 14-летнего возраста Иван IV «начал человеков ураняти и, собравши четы юных около себя детей и сродных оных предреченных сигклитов, по стогнам и по торжищам начал на конех с ними ездити и всенародных человеков, мужей и жен, бити и грабити, скачюще и бегающе всюду неблагочинне». См.: Кн. А. М. Курбский и царь Иоанн IV Васильевич Грозный. Избранные сочинения. СПб., 1902. С. 4.

⁸⁵ *Горсей Дж.* Записки о России. XV – начало XVII в. М., 1990. С. 53.

⁸⁶ *Шлихтинг А.* Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича // Московия при Иване Грозном глазами иноземцев. М., 2014. С. 89.

⁸⁷ Главные роли коня в обрядовой сфере, которые сложились уже в прескифское и скифское время, это: кони-перевозчики, кони «главного седла», кони-подношения, жертвенные кони – пища для покойника и совместной родовой трапезы, кони-«стражники». См.: *Полидович Ю. Б.* Конь и конская узда в системе погребальной обрядности народов юга Восточной Европы прескифского и скифского времени // Текст. Контекст. Подтекст. Сборник статей в честь М. Н. Погребовой. М., 2013. С. 174.

⁸⁸ *Гваньини А.* Описание Московии. С. 125–127.

⁸⁹ *Шлихтинг А.* Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана... С. 102–103.

Возвращаясь к казни князя Ростовского, отметим, что Гваньини рассказывает эту историю немного не так, как Шлихтинг. «Князь Ростовский был схвачен в церкви, с него содрали одежду, так что он остался нагим, в чем мать родила, а потом в оковах был брошен в сани и привязан. Когда они отъехали от Новгорода на три мили, то остановились у реки Волги. Скванный князь спросил о причине остановки, и ему ответили, что хотят напоить коней. Он, предчувствуя смерть свою, сказал: „Нет, не для коней та вода, а для меня, пить мне ее и не выпить никогда“. И тотчас начальник всадников отрубил ему, лежащему, голову топором, а труп сбросили в замерзшую реку»⁹⁰. В версии А. Гваньини приговоренный к смерти проделывает последний путь «на санях», что в древнерусском языке имело значение «на смертном одре»⁹¹.

Сани, как и кони, включались в особенное пространство казней Ивана IV как в особенное сакральное пространство. Таким особым местом были восточные ворота Опричного дворца Ивана IV, «ибо царь позволил себе входить в священные ворота, приготовленные для Господа Бога»⁹². «Через восточные ворота князья и бояре не могли следовать за великим князем – ни во двор, ни из двора: [эти ворота были] исключительно для великого князя, его лошадей и саней», – отметил опричник Г. Штаден⁹³. Божественную природу, очевидно, здесь получили не только лошади, но и тематически связанные с ними сани, которые в русском средневековье имели семантическое значение наиболее почитаемого транспорта и использовались независимо от времени года. Так, в августе 1605 г. везли на санях из Москвы к месту захоронения в Троице-Сергиев монастырь останки Бориса Годунова и его жены⁹⁴. Так, «шел саньми»⁹⁵ из Москвы опальный митрополит всея Руси Филипп: «возложиша на него платье Иноческое многошвенное и раздранное, и изгнаша его изъ церкви яко злодѣя и посадиша на дровни, везуще внѣ града ругающесе, и ко исходу дебри реюще его, и метлами биюще»⁹⁶.

Изгнание из Новгорода архиепископа Пимена верхом на кобыле было «символической акцией, совмещающей политическую меру наказания и сакральное действие»⁹⁷. Иван IV «велит стащить с его головы тиару, которую тот носил, а вместе с тем снимает с него все епископское облачение и лишает его также сана, говоря: „Тебе не подобает быть епископом, а скорее скomorохом. Поэтому я хочу дать тебе в супружество жену“ <...> тиран велит привести кобылу⁹⁸ и обращается к епископу: „Получи вот эту жену, влезай на нее сейчас, оседлай и отправляйся в Московию и запиши свое имя в списке скomorохов“. Далее, когда тот взобрался на кобылу, тиран велит привязать ноги сидевшего к спине скотины и, удалив его таким образом из города и прогнав с епископства, велит ему отправляться по назначенной дороге»⁹⁹.

Изгнание Иваном IV Пимена обыкновенно ассоциируют с «шестивием на ослиати», которое проводилось в неделю Ваий на Вербное воскресенье, где царь менялся ролями с патриархом. Центром внимания была «лошадь, покрытая до копыт белым холстом, уши у ней покровом удлинены наподобие ослиных. На этой лошади сидит Митрополит¹⁰⁰, сбоку, как ездят

⁹⁰ Гваньини А. Описание Московии. М., 1997. С. 101.

⁹¹ Выражение «на санях» приобрело в древнерусском языке значение «на смертном одре»; ср. в «Поучении» Владимира Мономаха: «Сѣд⁹¹, на санех, помыслих в души своей...», что переводят как «на смертном одре помыслил в душе своей...». См.: Поучение Владимира Мономаха // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 146–147.

⁹² Юрганов А. Л. Опричнина и страшный суд. С. 63.

⁹³ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. С. 108.

⁹⁴ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 259.

⁹⁵ 8 ноября 1568 г. См.: Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 256.

⁹⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 3. Примечания к IX т. СПб., 1843. Стб. 44.

⁹⁷ Чумичева О. В. Иконические перформансы Ивана Грозного: трансформация идеи царской власти // Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси. М., 2011. С. 518.

⁹⁸ А. Гваньини уточняет: белую жеребую кобылу. См.: Гваньини А. Описание Московии. С. 117.

⁹⁹ Шлихтинг А. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана... С. 97–98.

¹⁰⁰ Здесь митрополит заменяет патриарха, что допускалось обычаям.

верхом женщины; на складках его платья лежит книга с распятием дорогой работы на переплете; книгу эту Митрополит держит левой рукой, правой – крест, которым он беспрестанно благословляет народ во все время шествия. Человек 30 расстилают свои платья перед лошадью и, как только она пройдет по ним, поднимают платья, забегают вперед и снова расстилают, так что лошадь постоянно идет по одеждам <...> Один из царских знатных ведет лошадь за голову; сам же Царь, идя пешком, ведет лошадь за конец повода узды одной рукой, в другой он держит вербу. За лошадью следуют остальные царские придворные, дворяне и громадная толпа народа. В таком порядке они ходят от одной церкви к другой по Кремлю, на расстоянии двух полетов ядра, и таким же образом возвращаются в Царскую Церковь, где и оканчивают службу»¹⁰¹.

Обряд символизировал вход Господень в Иерусалим; он понимался как церковное таинство и одновременно народный праздник. История действия происходила из Новгорода, где оно было известно, по крайней мере, с конца XV в.¹⁰² Близкое по смыслу шествие проводилось и при поставлении патриарха или митрополита, с тем отличием, что здесь осла вел придворный – это мог быть конюший, боярин или окольничий, который не представлял царя, а только выполнял почетную функцию¹⁰³.

Рассматривая поругание Пимена с точки зрения анти-поведения (обратного, перевернутого поведения), которое у Ивана IV приобрело особенно широкие символические формы¹⁰⁴, «шествие архиепископа на кобыле» приобретает отчетливый смысл развенчания церковного иерарха. Расправа над Пименом стала апогеем новгородского погрома, когда уничтожались материальные ценности, люди¹⁰⁵ и святыни. Тиран «вошел в Великий Новгород, во двор к [архи]епископу и отобрал у него все его [имуущество]. Были сняты также самые большие колокола, а из церквей забрано все, что ему полюбилось <...> Каждый день он поднимался и переезжал в другой монастырь <...> Он приказывал истязать и монахов, и многие из них были убиты. Таких монастырей внутри и вне города было до 300¹⁰⁶, и ни один из них не был пощажён... Целых шесть недель без перерыва длились ужас и несчастье в этом городе <...> Ни в городе, ни в монастырях ничего не должно было оставаться; все, что воинские люди не могли увезти с собой, то кидалось в воду или сжигалось»¹⁰⁷. Фактически разгром Новгорода – места, с которым связывались русские традиции священства¹⁰⁸, – приобрел смысл его десакарлизации. Тиран выступил как высший судья, который не только уничтожает сакральное пространство, но и конструирует новое¹⁰⁹.

¹⁰¹ Ченслер Р. Известия англичан о России во второй половине XVI века. С. 19.

¹⁰² Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 439–446.

¹⁰³ Там же. С. 458.

¹⁰⁴ Успенский Б. А. Анти-поведение в культуре Древней Руси // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 466.

¹⁰⁵ Относительно количества жертв погрома не сложилось единого мнения. В «Повести о приходе царя Ивана в Новгород» сообщается, что во время новгородского погрома в Волкове ежедневно в течение пяти недель топили по 1000–1500 человек: «А тот убо день благодарен, коего дни въвергут в воду пятьсот или шестьсот» См.: *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 299. Однако «имеются также определенные и достоверные сведения, что он приказал убить 12 000 именитых людей, мужчин и храбрых женщин. Что касается до безвестных бедных ремесленников и простого народа, то было их больше 15 000». См.: *Таубе И., Крузе Э.* Послание Иоганна Таубе и Элгерта Крузе. С. 136. Псковская летопись говорит о 60 000 жертв, духовник польского посольства Джерио – о 18 000. См.: *Шлихтинг А.* Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана... С. 97. Дж. Горсей определяет число жертв фантастическими 700 000 человек. См.: *Горсей Дж.* Записки о России. С. 54. В. Б. Кобрин определяет число погибших во время новгородского погрома в пределах 10 000–15 000 человек. См.: *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. М., 1989. С. 81.

¹⁰⁶ По другим данным, было разграблено 175 монастырей. См.: *Гваньини А.* Описание Московии. С. 115.

¹⁰⁷ *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. С. 90.

¹⁰⁸ Успенский Б. А. Царь и патриарх... С. 439.

¹⁰⁹ Имеется в виду перенос в опричную Слободу святынь Новгорода.

При более детальном анализе вышеупомянутых кар церковных иерархов становится очевидно, что в обоих случаях десакрализация проводилась с помощью анти-поведения. Так, по некоторым сведениям¹¹⁰, Пимен был посажен верхом опоко – задом наперед, как и митрополит Филипп, которого царь велел, сорвав с него святительские одежды, посадить «на вола опоко»¹¹¹.

Анти-поведение и казнь в Страшном суде Ивана IV взаимосвязаны, но само по себе анти-поведение не всегда обозначало казнь или смерть. Так, по легенде позднего времени, когда Грозный показывается в Петровских воротах Пскова верхом на прекрасном аргамаке, местный юродивый Никола Салос едет к нему «на палочке верхом»¹¹². Встречу Николы и тирана 20 февраля 1570 г. называют «самым знаменитым эпизодом из истории русского похабства»¹¹³. Именно тогда в круг царских казней включается личный конь Ивана IV. Согласно Пискаревскому летописцу, встретившись с царем, Никола потребовал прекратить разграбление города. Юродивый утверждал, что в противном случае Грозному не на чем будет ехать в Москву: «в полон велел имати и грабити всякое сокровище и божество: образы и книги, и колокола, и всякое церковное строение. И прииде к Никуле уродивому. И рече ему Никула: „Не замай, милухне, нас, и не пробудет ты за нас! Поеди, милухне, ранее от нас опять. Не на чом ти бежати!!“ И в то время паде головной аргамак»¹¹⁴.

Позднее легенда несколько изменяется, а в Псковской летописи обрастает подробностями: «Иван Грозный прииде благословитися ко блаженному Николе <...> блаженный же поучив его много ужасными словесы, еже престати от всякого кровоприлития и не дерзнути же грабити святые божьи церкви. Царь же преже сия глаголя нивочто же вменив приказал снимать колокол с Троицкой церкви – и того же часа паде конь его лутчий по пророчеству святого, и поведаша сия царю, он же ужасен вскоре бежа из града»¹¹⁵. Для современников Ивана IV угроза Николы Салоса имела вполне ясный символический смысл: павший под ним любимый конь не только ведал судьбу¹¹⁶, но служил внятным символом потустороннего мира. После смерти царского коня «могущественный тиран, который хотел сожрать целый свет, ушел побитый и пристыженный¹¹⁷, словно прогнанный врагом»¹¹⁸. Так конь исполняет роль, приписанную ему мифологизированным средневековым сознанием – своей смертью вершит людские судьбы и судьбы народные.

Очевидно, что в культуре позднего русского средневековья образ коня продолжает нести заложенные в него еще на этапе язычества сакральные функции. В эпоху Ивана Грозного, в начале оформления русской концепции царской власти, конь остается символом потустороннего мира: в это время он помещается в особое эсхатологическое пространство, будучи тесно связанным и с фигурой царя-всадника, и с его миссией.

¹¹⁰ Чумичева О. В. Иконические перформансы Ивана Грозного. С. 518.

¹¹¹ Успенский Б. А. Анти-поведение в культуре Древней Руси. С. 468.

¹¹² Иванов С. А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005. С. 277.

¹¹³ Там же. С. 271, 276.

¹¹⁴ Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. С. 191.

¹¹⁵ Иванов С. А. Блаженные похабы. С. 272.

¹¹⁶ Петрухин В. Я. Конь // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999. С. 590–591.

¹¹⁷ Иван IV глубоко почитал юродивых: такие события его жизни, как рождение от неплодного Василия III и взятие Казани, якобы были предсказаны именно ими. См.: Иванов С. А. Блаженные похабы. С. 270; Книга степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 629.

¹¹⁸ Таубе И., Крузе Э. Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе. С. 137.

1.1.4. «ADVERSI, AVERSI, PERVERSI»: ЦАРСКАЯ КОННАЯ КУЛЬТУРА ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ

В годы активного формирования русского государства иностранцы много размышляли о специфике русской культуры¹¹⁹. Одним из представителей этого широкого ряда был венецианский писатель Франческо Тьеполо. В 1560 г. он оценил современную ему Московию выражением «*adversi, aversi, perversi*», что понималось как своеволие и недружелюбность, которые совмещались с хитростью, переходящей в коварство¹²⁰. Эти качества москвитов сочетались с обычаем представлять себя в самом выгодном свете, что было хорошо известно их ближним и дальним соседям.

В XVI–XVII вв. Москва поддерживала постоянные отношения с шестнадцатью иностранными государствами Европы и Азии¹²¹. Знакомство с русской культурой обыкновенно происходило через посредство путешественников, коммерсантов и посланников этих шестнадцати стран. Характер отношений во многом зависел от степени их значимости «соседей» для московского двора. К концу XVI – началу XVII в. лидирующее положение занимали Польша, Швеция и Османская империя¹²². В середине столетия внешнеполитическая расстановка сил изменилась: согласно новым приоритетам Московии, Священная римская империя и Дания заняли последнее место, а Турция и Персия – первое¹²³.

Конь стал неотъемлемой частью московского обычая: «на встрече б с приставы было детей боярских много, а были б нарядны и конны», – повелел Иван IV по случаю встречи литовского посольства¹²⁴. Незыблемым было правило, что и встречающим, и встречаемым полагалось только самое лучшее из того, что имелось в царском хозяйстве и соответствовало статусу участников встречи. «А царевичевым бояром и чиновным людям лошади з государевы ж конюшни с седлы и с узды с чистыми наряды по посольскому обычаю», – отмечали современники¹²⁵. Так, «свиту двух Послов, назначенных к Королю Польскому [в 1553 г.], составляли 1500 всадников, одетых большей частью в золотые и шелковые одежды; о дорогих уборах лошадей, блестящих золотом и серебром, расшитых весьма искусно шелком, и говорить нечего. У них было 100 превосходных запасных белых иноходцев»¹²⁶.

Кони здесь выступали как один из атрибутов царской власти, которую москвиты демонстрировали посланникам; однозначно понимаемые как символ царя и царской власти, они могли служить только наиболее почетным гостям. Так, посланников крымского и ногайского ханств в царский дворец вели пешком¹²⁷, а грузинским представителям, как не имеющим высокого статуса, коней в качестве царских даров жаловали не всегда¹²⁸.

¹¹⁹ Шапиро Б. Л. «Adversi, aversi, perversi»: конь как часть русского посольского обычая // История: факты и символы. 2016. Вып. 4 (№ 9). С. 24–36.

¹²⁰ Тьеполо Ф. Рассуждение о делах московских Франческо Тьеполо // Исторический Архив. 1940. № 3. С. 328.

¹²¹ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 39–46.

¹²² «Во утверждение дружбы...» Посольские дары русским царям. М., 2005. С. 9.

¹²³ Юзефович Л. А. Путь посла... С. 127.

¹²⁴ Савва В. И. О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. С. 103.

¹²⁵ Белокуров С. А. Дневальные записки Приказа тайных дел 7165–7183 гг. М., 1908. С. 70.

¹²⁶ Адамс К. Английское путешествие к москвитам // Иностранцы о древней Москве: Москва XV–XVII веков. М., 1991. С. 40.

¹²⁷ Юзефович Л. А. Путь посла... С. 142.

¹²⁸ Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 71. Запись под 8 мая 1660 г.: «А под грузинских послов под митрополита и под боярина с товарищи и под Меретийских послов под Марка Томаева с товарищи посланы были лошади з государевы конюшни: под митрополита с под архимаритов с смирным нарядом, а под боярина с товарищи и царевичевым чиновным людям лошади з государевы конюшни с седлы и с узды с чистыми наряды по посольскому обычаю». Матери царевича Николая Давыдовича Елене Диасамидзе была послана «колымага з возники... з государевы конюшни». См.: Там же. С. 70.

При распределении этих атрибутов соблюдался иерархический порядок: сами послы получали лошадей от царя, его свита – от лица царских «ближних людей». Гостям более низкого ранга лошади направлялись от посольских дьяков. Гонцы, церемония встречи которых была лишена торжественности и проходила без скопления народа, часто въезжали в столицу на собственных лошадях. На своих лошадях путешествовали и представители крымского и (в их бытность), ногайского, казанского и астраханского ханств¹²⁹; согласно сложившемуся обычаю, последнюю, торжественную часть церемонии встречи они часто проделывали пешком.

О существовании этого негласного правила свидетельствует и итальянский коммерсант Р. Барберини, посетивший Москву в 1565 г. По его словам, здесь «несколько назначенных государем придворных отправляются из дворца, в богатых одеждах, верхом на прекрасных конях, в парадных разноцветных сбруях; прибыв в посольский дом, берут послов с собою и везут их, тоже верхом, но на самых скверных и убранных в самую дурную сбрую лошадей, во дворец; тут шагов за тридцать или за сорок от дворца и заставляют их, из чванства, слезать со своих кляч и идти пешком»¹³⁰.

Предоставление иноземным гостям лошадей с царских конюшен – обычай, который в посольских книгах отмечается не ранее второй половины XVI в. Первоначально лошади присылались только тем, кто не имел собственных, прибыв морем (отметим, что способы транспортировки лошадей по воде были известны издавна), либо тем, чьи животные не могли украсить собой торжественную процессию посольской встречи. Тем из гостей, кто имел собственную парадную лошадь, но которым полагались царские лошади по регламенту, использование своих лошадей воспрещалось¹³¹.

От предложенной лошади, как и от конского убранства, отказываться было не принято; этот обычай доставлял европейским гостям, не привыкшим к русским седлам-арчакам, некоторые неудобства; но царские предложения отклонялись лишь в единичных случаях. Так, в 1583 г. посланник Елизаветы I Дж. Баус не принял приготовленного специально для него прекрасного жеребца в богатом убранстве, недовольный тем, что конь был хуже, чем тот, на котором прибыл встречающий его князь Иван Сицкий. Не разрешив конфликт, Баус вошел в Кремль пешком¹³².

Это событие не укладывалось в рамки московского дипломатического протокола, где четко оговаривалось и другое правило: послы и их свита всегда въезжали в Кремль только верхом; но строгость этого положения, оформившегося в середине XVI в., постепенно смягчалась. К началу XVII в. оно уже не имело характера догмы. Так, в 1601 г. посланнику Елизаветы I Р. Ли, несмотря на его больные ноги, не разрешили пользоваться ни каретой, ни седлом западноевропейского типа с удобной посадкой: «в возку ехать непригожь», а также «своего седла на лошадь класть непригожь»¹³³. Однако немощному представителю Священной Римской империи А. Дону ехать в собственной карете позволили, а присланную Годуновым лошадь вели

¹²⁹ Юзефович Л. А. Путь посла... С. 84.

¹³⁰ Барберини Р. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. СПб., 1843. С. 26.

¹³¹ Английский дипломат Т. Смит рассказывал, что в 1604 г. глава миссии и его свита въезжали в Москву на царских лошадях, несмотря на то что посольство привезло с собой два десятка парадных лошадей. На месте встречи иноземцев, в Ростокино, «посол, выйдя из своего экипажа, сел на своего же парадного коня и двинулся дальше при звуках музыки, исполняемой его собственными трубачами. Проехав еще с четверть мили, милорд был встречен дворянином из конюшенного приказа, в парадном платье, который, сняв шапку, объявил послу, что великий государь, молодой царевич и конюший боярин изволили прислать ему испанского жеребца в сбруе, богато убранной золотом, жемчугом и драгоценными камнями, с большою, из чеканного золота, цепью, надетою коню на шею. Тогда посол, сойдя с своего коня, обнял названного дворянина, выразил свою нижайшую благодарность и тотчас пересел на присланного ему иноходца. Далее тот же дворянин объявил, что царю угодно было прислать коней и для королевских придворных, также в богатом убранстве, а затем и для всех прочих членов посольской свиты». См.: Смит Т. Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. СПб., 1893. С. 26–27.

¹³² Горсей Джс. Записки о России. С. 82.

¹³³ Юзефович Л. А. Путь посла... С. 86.

перед каретой посла: «челом бью, а на аргамаке мне ехать невозможно, потому что есми немощен: в ногах камчуг (т. е. подагра) <...> как-то услышит Царского величества шурин Борис Федорович про его скорбь, и он на него в том гневу не положит. И на аргамака не сел, поехал в возку своем; и конюх Шихман Косаткин велел аргамака вести перед ним, от возка его»¹³⁴. Эти события относятся к посольству 1597 г.

При царе Алексее Михайловиче это правило уже не было нормативным; посланникам разрешалось использование и собственных, и московских карет. Так, в 1660 г. встреча Елены Диасамидзе, матери грузинского царевича Николая Давыдовича проходила по следующему церемониалу: «каптану (колымагу) под царицу послати з государевы конюшни с стремянным конюхом. А сидети у царицы в каптане и за каптаню иди кому государь и государыня царица укажут. А столника князь Федорове жене Хилкова ехать в каптане позади царицыны каптаны. А приехать царице Елене на государев двор в Столовые ворота и приехать к Каменной лестнице, выйти ис каптаны и идти вверх ко государыне царице в комнату»¹³⁵. Кроме карет, в церемониях задействовались возки и сани. Так, упоминается, что при Алексее Михайловиче великий и полномочный посол Польши в Кремль «шел в санях» и происходило это «по посольскому обычаю»¹³⁶, который к этому времени сложился в следующих конных формах: встреча в поле, торжественный въезд в Москву, проводы внутри города¹³⁷, въезд в Кремль, получение посольских даров и ответное одаривание, и, наконец, ритуал дарования пиршественных кушаний с царского стола. Регламент их был строго определенным, с некоторыми оговорками для дипломатов разных рангов.

Первая встреча посольского поезда проходила за городом, в поле; для этого царем высылались конные отряды из дворян и боярских детей¹³⁸. Обыкновенно для этих целей выделялась одна или две сотни лошадей; число могло быть увеличено соответственно значению посольства за счет резервных трех тысяч голов «добрых береженных лошадей»¹³⁹ с царской конюшни, которые не имели определенного целевого назначения. Так, в 1575 г. посольство И. Кобенцеля и Д. фон Бухау к царю Ивану IV было встречено тремя тысячами всадников¹⁴⁰. Однажды общее число участников конного встречного поезда достигло шестнадцати тысяч человек; об этом событии рассказывает немецкий путешественник и географ А. Олеарий¹⁴¹. По мнению современников, многотысячные парадные конные выезды «способствовали велелепию [московского] двора сообщением ему пышных обрядов византийского»¹⁴².

¹³⁴ Памятники дипломатических сношений с Римской Империей. Т. 2. С 1594 по 1621 г. СПб., 1852. Стб. 469.

¹³⁵ Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 83.

¹³⁶ Там же. С. 54.

¹³⁷ Сохранилось описание участников проводов в Кремль польского посольства 29 января 1660 г.: «А сколько чьей службы и как они шли, и то писмо ниже сего имянно: князя Андрея Волконского: 2 лошади простых, людей 16 ч. Михаила Корсакова 2 лошади простых, людей 4 ч. Федора Хрущова з братом 2 лошади, людей 14 ч. Ивана Бирдюкина Зайцова 2 лошади, людей 9 ч. Кирила Пушина 1 лошедь, людей 2 ч. Михайла Татищева 2 лошади, людей 8 ч. Якова Вышеславцова 1 лошедь, 4 ч. людей. Князь Бориса Мещерского 1 лошедь, 6 ч. людей. Кирила Хлопова: 5 лошадей простых, и в том числе одна в цепях гремачих, 1 в поводных, людей 25 ч. Андрея Безобразова: 2 лошади, людей 6 ч. Князь Семена Лвова: 2 лошади, людей 10 ч. Дьяка Василья Михайлова: 3 лошади простых и в том числе 1 в цепях поводных, 2 простые, людей 8 ч. Думного дьяка Алмаза Иванова: 4 лошади простые, людей 15 ч. Боярина князя Федора Ивановича Волконского: 2 лошади с гремачими чепми, 3 с поводными, 2 простые, станица литавщиков, станица трубачей, возок, 31 ч. людей. Боярина Петра Васильевича Шереметева: 3 лошади з гремачими чепми, 4 с поводными, 6 возников, литавщик, станица трубачей, возок о 6 возниках, 18 ч. людей. Боярина князя Никиты Ивановича Одоевского: 4 лошади з гремачими чепми, 4 с поводными, 2 простых, литавщик, 6 возников, значек, 2 станицы трубачей, 48 ч. людей, возок с 6 возниками». См.: Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 54–55.

¹³⁸ Мильтон Дж. Московия Джона Мильтона. М., 1875. С. 68–69.

¹³⁹ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 92.

¹⁴⁰ Кобенцель И. Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века // ЖМНП. 1842. № 35. С. 142.

¹⁴¹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С. 58; Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. М., 1997. С. 287.

¹⁴² Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. Т. VI. СПб., 2003. С. 687.

Особые ритуалы разрабатывались для встречи лиц, чей приезд в Московию имел особое внешнеполитическое значение. И без того пышная церемония въезда чужеземцев в город, в общих чертах неизменная, в этом случае, согласно важности момента, могла быть дополнительно усилена эффектными деталями.

Так, особо высокотожественным был ритуал встречи царской невесты Марины Мнишек. «Впереди ехала тысяча бояр, вооруженных луками и стрелами: они провожали Марину от самой границы; за ними следовали 200 Польских гусар, служивших воеводе Сендомирскому, в полном наряде, с белыми и красными значками на пиках; далее знатнейшие дворяне, также сын, зять и брат воеводы, все в богатых одеждах, на красивых конях турецких, коих сбруя была украшена золотом, серебром и драгоценными камнями; воевода ехал, подле кареты своей дочери, на превосходном аргамаке, в багряно-парчовом кафтане, подбитом собольим мехом; шпоры и стремяна были из литого золота с бирюзовыми накладками; невеста сидела в карете, обитой зеленою парчою; кучер был в зеленом кафтане шелковом; ее везли 8 белых Турецких коней, выкрашенных от копыт до половины тела красною краскою: сбруя была на них красная, бархатная, с серебряными вызолоченными застежками; за невестою в 4 каретах ехали ее женщины в богатых нарядах; а по сторонам шли 300 гайдуков, очень красиво одетых в голубые суконные платья с длинными белыми перьями на венгерках или шапках», – было отмечено в дневнике царской невесты¹⁴³.

Кроме того, в знак уважения ей была прислана карета, «запряженная десятью конями с черными пятнами («в яблоках». – *Б. Ш.*), в богатой раззолоченной сбруе из красного бархата; каждого коня вел особенный конюх, колесница была вызолочена внутри и снаружи и обита червленою материей»¹⁴⁴. По другим данным, карета была запряжена дюжиной белоснежных лошадей, и еще столько же верховых лошадей вели перед каретой в качестве заводных. Верховые лошади были убраны дорогими попонами, седла были покрыты шкурами рысей и леопардов, а оголовья и стремяна позолочены¹⁴⁵. Карета была украшена по бокам серебром и царскими гербами; каретных лошадей вели слуги, держа поводья в руках. Именно в этой карете Мнишек и въехала в Москву в мае 1606 г. Торжественность момента подчеркивалась продолжением встречи в черте города, когда, как вспоминает очевидец этого события голландский посланник И. Масса, «все князья, бояре, дьяки, дворяне и дети боярские, купцы и все прочие нарядились в самые богатые одежды и оставили всякую работу и торговлю, ибо надлежит встретить царицу. И всем, у кого были лошади, было велено выехать верхом в два часа утра, что и было все исполнено»¹⁴⁶.

С течением времени пышность парадных посольских встреч все возрастала, достигнув максимума в правление царя Алексея Михайловича, когда конные церемониальные выезды, по словам английского посланника Ч. Карлейля, «добавляли света к свету дня»¹⁴⁷. Так, с конца первой трети XVII в. перед въездом в Москву выстраивались конные отряды регулярных войск. Особенно эффектным и запоминающимся был выезд конников жилецкой сотни, одетых в «одноцветные красные длинные одежды; они сидели все на белых лошадях; за плечами и над головами их были прикреплены красиво раскрашенные крылья; они держали длинные копья, к остриям коих были приделаны позолоченные изображения летящего дракона, которые вертелись по ветру»¹⁴⁸. Об этом пишет английский поэт и политик Дж. Мильтон в своей «*A Brief History of Moscovia*»¹⁴⁹.

¹⁴³ Устрялов Н. Г. Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 2. Записки Георга Паерле. СПб., 1832. С. 45–46.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Буссов К. Московская хроника. 1584–1613 // Хроники Смутного времени / Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец». М., 1998. С. 57; Мнишек М. Дневник Марины Мнишек (1607–1609 г.). М., 1908. С. 47.

¹⁴⁶ Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 128.

¹⁴⁷ Цит. по: Кириллова Л. П. Экипажи XVI–XVIII веков. М., 2006. С. 16.

¹⁴⁸ Мильтон Дж. Московия Джона Мильтона. М., 1875. С. 67.

В процессии также участвовали конные латники, отряды тяжелой конницы, легкоконный отряд дворцовых великокняжеских телохранителей и конные дружины, состоящие из высшего дворянства и придворных¹⁵⁰. Ближайшее окружение посланников составляли три сотни всадников-дворян, ведомые «встречником посольским» – знатным дворянином из приближенных царя¹⁵¹. Все здесь имело одну смысловую нагрузку – демонстрацию могущественности Московского государства – и статность коней, и изящество вооружения, и разноцветие одежд участников церемонии¹⁵².

Первая встреча в глазах обеих сторон имела решающее значение. Представители иноземной культуры отмечали, что русские «очень остерегаются сходить с лошадей, пока не увидят, что и послы готовы сделать то же, тогда и слезают, если же случится, что послы, которые совсем не смотрят на эту чванливость, дотронутся ногами до земли прежде, чем слезут вожатые, эти подумают, что „наша-де взяла, добились мы больше почета“»¹⁵³, для чего они «все наблюдают свой почет и становятся справа, а все названные по именам в верющей грамоте едут между ними и посреди них»¹⁵⁴.

В этой системе особую роль играло спешивание с лошади, в результате чего действие довольно часто приобретало анекдотический оттенок. Как пишет В. О. Ключевский, «сошедшись, обе стороны прежде, чем начать объяснение, должны были сойти с лошадей или экипажей, о чем послу делалось внушение заранее; отговориться от этого нельзя было ни усталостью, ни болезнью, потому что – объясняли встречавшие – ни говорить, ни слушать, что говорят от имени государя, нельзя иначе, как стоя. При этом, оберегая честь своего государя, московский большой человек тщательно наблюдал, чтобы не сойти с лошади первым, от чего часто происходили важные недоразумения и споры с иностранным послом»¹⁵⁵.

По окончании речей обе стороны садились в свои экипажи или на лошадей; здесь ловкость московских и иноземных дипломатов была направлена на то, чтобы проделать это первыми. Чтобы преуспеть в этом, москвиты не гнушались всевозможными уловками. Так, по словам Олеария, в 1634 г. при встрече турецкого посла ему нарочно подали разгоряченную лошадь, на которую невозможно было сесть¹⁵⁶.

Встречая иностранных гостей в поле, конные отряды провожали их до границ города, въезжая вместе в Москву и затем в Кремль. Многие очевидцы посольских встреч отмечают, что

¹⁴⁹ Сведения подтверждаются очевидцем, чешским путешественником Б. Таннером, который сообщает, что «цвет длинных красных одеяний был на всех [из нового, невиданного дотоле отряда воинов] одинаков, сидели они верхом на белых конях, а к плечам у них были прилажены крылья, поднимавшиеся над головой и красиво расписанные; в руках – длинные пики, к концу коих было приделано золотое изображение крылатого дракона, вертевшееся по ветру. Отряд казался ангельским легионом». См.: *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. // ЧОИДР. 1891. № 3. С. 44.

¹⁵⁰ Исторический рассказ о путешествии польских послов в Московию, ими предпринятом в 1667 году // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 321–333.

¹⁵¹ *Горсей Дж.* Записки о России. С. 82; *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 46.

¹⁵² «...свиту двух Послов, назначенных к Королю Польскому, составляли 1500 всадников, одетых большей частью в золотые и шелковые одежды; о дорогах уборах лошадей, блестящих золотом и серебром, расшитых весьма искусно шелком, и говорить нечего. У них было 100 превосходных запасных белых иноходцев». См.: *Адамс К.* Первое путешествие англичан в Россию в 1553 году // ЖМНП. 1838. № 10. С. 56.

¹⁵³ *Ерлезунда П. П.* История о Великом Княжестве Московском // ЧОИДР. 1867. № 2. С. 353. Шведский историк и посланник П. Ерлезунда провел в России первые четыре года XVII столетия.

¹⁵⁴ Там же. С. 353.

¹⁵⁵ *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о московском государстве. М., 1866. С. 39. Об одном таком случае сообщает Т. Смит: «эти люди полагают, что составляет большое умаление чести, если при встрече первым сойти с коня. Поэтому эти три боярина и начали было свою довольно нескладную речь, не слезая с своих коней <...> Тогда посол, во избежание обычной докучности их церемониальных речей, предупредил их дальнейшее разглагольствование, обратившись к ним с замечанием, что „не приличествует подданным двух столь могущественных монархов вести речь, сидя верхом, при таких исключительных обстоятельствах“. От этих слов они не только устыдились своего церемонного сиденья в седле... но так растерялись... что тотчас же спрыгнули с коней, словно боясь, что их сбросят с себя лошади. Вслед за ними сошел с своего коня и посол». См.: *Смит Т.* Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. С. 27–28.

¹⁵⁶ *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о московском государстве. С. 42.

конный поезд встречников «горел, как жар, своим светлым убранством»¹⁵⁷, «серебром и золотом»¹⁵⁸; это неудивительно, учитывая, что «вся сбруя <...> была золотая; стремяна и разные украшения, слитые из чистого золота, весили 10 000 червонцев»¹⁵⁹. Убранство царских коней впечатляло современников не только искусным исполнением, но и стоимостью. Так, коня в парадном уборе и одежду князя И. М. Глинского англичанин Дж. Горсей оценил в 100 тысяч марок стерлингов, а одно только церемониальное убранство лошади царя Федора Иоанновича, расшитое жемчугом и драгоценными камнями, – в три раза больше¹⁶⁰.

По пути следования посольский поезд шел через коридор, образованный отрядом из нескольких тысяч вооруженных стрельцов, стоявших по обе стороны дороги. Стрельцов для охраны всего маршрута иногда не доставало, и тогда «применялась известная хитрость: после того, как послы проезжали мимо, за спиной у них стрельцы боковыми улицами незаметно забегали вперед и снова строились в ряды. Неторопливо движущаяся процессия по нескольку раз проезжала вдоль одних и тех же людей»¹⁶¹.

Место и время спешивания всадника с лошади по приезде во дворец определялось статусом и уровнем почета, который гость был готов оказать русскому царю. Как и в поле, «гонцы спешивались раньше, чем посланники и послы, а свита – раньше, чем члены посольства. Последним сходил с коня глава миссии. Одновременно с ним спешивался «большой» пристав, а остальные приставы – вместе со свитскими дворянами»¹⁶². Место, определенное для спешивания, обыкновенно несколько отстояло от входа в царские палаты: подъехать верхом к крыльцу в русской культуре считалось бесчестьем. При этом расстояние, которое гость проходил пешком по двору, было прямо пропорционально оказанному этим действием почету¹⁶³.

Посольские проводы также были строго регламентированы: в русской средневековой придворной культуре церемония и ритуал являлись важнейшими средствами сакрализации царской власти, и красоте церемонии придавалось большое значение, в том числе и политическое. Уже сформированный в общих чертах церемониал царского конного выезда представляет собой зримую часть русской придворной культуры. Дорогие породистые кони и их драгоценное убранство как главные атрибуты этого церемониала служат выстраиванию иерархии власти и играют существенную роль в формировании образа могущественного властителя в глазах представителей иноземной культуры.

¹⁵⁷ *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 45–46.

¹⁵⁸ *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 2. С. 46.

¹⁵⁹ Там же. С. 38.

¹⁶⁰ *Груневег М.* Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. М., 2013. С. 144–145.

¹⁶¹ *Юзефович Л. А.* Путь посла... С. 89–90.

¹⁶² Там же. С. 143.

¹⁶³ Упомянутый Р. Барберини обычай с конца XVI в. выглядел так: «имперские послы спешивались обычно у „среднего быка“ [Казенной палаты], посланники – „у второго окна“, гонцы – „у первого быка“. Польско-литовские дипломаты пользовались правом более близкого подъезда, чем представители других держав <...> но уже не „у среднего быка“, а „у последнего окна“; послам „великим“ разрешалось прямо с седла ступать на подъездной помост лестницы, которая вела на паперть Благовещенского собора». См.: *Юзефович Л. А.* Путь посла... С. 143. «А как [Грузинский] Царевич [Николай Давыдович] ис кореты у Благовещенья на рундук вышел, а после у Казенные полаты против угла, и царевичеву дворня и лутчие люди, не доезжая рундука, против ворот». См.: *Белокуров С. А.* Дневальные записки... С. 70. Лошадей, предназначенных в дар русскому царю, позволялось подвести к крыльцу сеней приемного зала. «Кони в уборах и красочные кареты „являлись“ царю не во дворце. Их обычно подводили к крыльцу сеней приемного зала, а затем передавали на конюшню, но во время приема непременно объявляли название дара и имя дарителя». См.: *Загородняя И. А.* Дипломатические дары из Литвы и Речи Посполитой. Типология и новые атрибуты // Московский Кремль. Материалы и исследования. Вып. 18. Декоративно-прикладное искусство Западной Европы. М., 2006. С. 162.

1.1.5. ЦАРСКИЙ «ЕЗДНОЙ КОНЬ»: КУЛЬТУРНАЯ И ИМУЩЕСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ

Обмен дарами, которыми сопровождался визиты иноземных гонцов, купцов и посланников, был важным инструментом средневековой дипломатии. Традицию дарения «поминков», т. е. подарков, иностранным гостям поддерживали не все страны, но в Московии этот обычай считался если не обязательным, то крайне желательным.

Принимать государевы дары отказывались лишь в исключительных случаях; поводом могли быть недовольство поведением второй стороны или «легкие» поминки (т. е. их малая стоимость). Так, в 1570 г. польский посол М. Талваш заявил, что отдарки Ивана IV, данные взамен подаренной лошади, малоценны: «Миколай запросил цену, что тот мерин не судит», – утверждали русские дипломаты¹⁶⁴. Царь, разгневанный упреком в скупости, недостойной главы государства, приказал зарубить лошадь в присутствии посла.

Со временем принцип, по которому формировались отдарки, изменялся. Если в XVII в. соответствие стоимости посольских подношений и ответных даров строго выверялось¹⁶⁵, то для XVI в. общим правилом был принцип, согласно которому царские отдарки были щедрее посольских даров в три раза и более (известны случаи соотношения ценности даров и отдарков 1:30)¹⁶⁶.

Лошади, драгоценная конская сбруя и кареты были в числе самых ценных даров¹⁶⁷. Так, в числе подарков, поднесенных Б. Годунову в 1600 г. главой посольства Великого княжества Литовского Л. Сапегой, были шесть гнедых и шесть итальянских половых (изжелта-белых) лошадей. Итальянские кони были убраны пунцовой бархатной сбруей, оправленной в серебро; они были запряжены в носилки, «сверху покрытые красным бархатом, а в середине обложенные парчою на меху в серебряной оправе»¹⁶⁸. Гнедые лошади были турецкие, дунайские, испанские, цекельские и русские; все в красных бархатных уборах, отличавшихся богатством золотосеребряной и жемчужной отделки. Часть убранства была изготовлена по-гусарски, часть – по-казацки.

Его сыну, князю Федору Борисовичу, Л. Сапега назначил в дар восемь лошадей, среди которых были пять аргамаков гнедой, сивой и каштановой масти. Часть лошадей была подарена вместе с оружием и со сбруей: «с гусарским седлом, на нем узоры серебряные; и у седла – меч с серебряным эфесом» и «с бархатным красного цвета седлом, оправленным в серебро; стремяна серебряные позолоченные; узда серебряная позолоченная, и такая же при ней цепь или повод»¹⁶⁹.

Богатыми дарами были пожалованы иностранные придворные доктора Годунова. По словам К. Буссова, «каждому было положено годовое жалованье 200 рублей и ежемесячные

¹⁶⁴ Юзефович Л. А. Путь посла... С. 123.

¹⁶⁵ Царю Алексею Михайловичу 10 апреля 1657 г. князем Ю. Трубецким, М. Тихоновецким и С. Мосальским были подарены «иноходец сер, седло на нем турецкое, нарезано бархатом червчатым с чалдаром, шито золотом волоченым; узда и пахви и паперсть наборчатые серебряные золочены... кон ездной, седло на нем гусарское с камнем, узда с паперстми, оправка серебряная золочена с камнем, концырь золочен с камнем, чепрак шит золотом, кита, перье то же... жеребец гнед турецких лошадей, на нем седло бархатное, шито золотом, узда и похви и паперсть серебряные золочены». Царь отдарился золотыми кубками, атласами, соболями и значительными суммами денег. См.: Белокуров С. А. Дневальные записки... С. 10–11.

¹⁶⁶ Юзефович Л. А. Путь посла... С. 124.

¹⁶⁷ История также знает случай изготовления подносного конского квазидоспеха; идея и ее реализация были восприняты русским царем благосклонно. См.: Когут Е. В. Конская «железная голова» из собрания Музеев Московского Кремля // Московский Кремль. Материалы и исследования. Вып. 28. Оружейное собрание Музеев Московского Кремля. Памятники, история, проблемы изучения. М., 2018. С. 237–241.

¹⁶⁸ Пельгержимовский-Пелеш И. Описание посольства Льва Сапегы в Москву в 1600 г. // ЖМНП. 1850. № 68. С. 106.

¹⁶⁹ Пельгержимовский-Пелеш И. Описание посольства Льва Сапегы... С. 105–109.

корма... Царь пожаловал каждому доктору пять хороших коней из своей конюшни, кроме того, каждый получил еще одного хорошего коня, чтобы летом каждое утро ездить верхом во дворец и в аптеку, одного коня особо для упряжки в сани зимой, затем двух лошадей для кареты жены, чтобы ездить ей на богослужение, затем одну рабочую лошадь – возить воду»¹⁷⁰. Весьма щедро был одарен английский доктор Р. Стендиш (Стандиш): прибывший в Москву в 1557 г. для лечения семьи Ивана IV: он получил 10 рублей, коня и шубу на соболях, покрытую узорным бархатом)¹⁷¹. Ценность награды была соразмерна значимости награждаемых для московского двора¹⁷².

Согласно традиции, дарами могли выступать не только лошади, в том числе и одетые в драгоценный убор, но и богатое конское убранство само по себе¹⁷³. Так, дарами шаха Сефи царю Алексею Михайловичу при посольстве 1640–1643 гг. стала золотая оголовь, изготовленная в придворных мастерских Исфакана. Роскошное убранство было передано русскому царю в 1644 г. шахом Аббасом II. В 1656 г. дарами шведского посольства короля Карла X под предводительством Г. Бьелке стал парадный чепрак, расшитый золотом и унизанный жемчугом. Необычайно богатыми дарами, среди которых были лошади в ценном уборе и кареты, запомнилось москвитам голландское посольство Кунрада фан Кленка 1676 г.¹⁷⁴

Встречались случаи, когда кони дарились не только со всем убранством, но и с обслугой. Известно, что в 1603 г. князь Адам Вишневецкий подарил Лжедмитрию «запряженную карету, шесть верховых лошадей, со всем убором, седлами, палашами, пистолетами, со всеми находившимися при них людьми, и просил его величество принять сию безделку»¹⁷⁵.

Передача коней как даров специфических проходила особым образом. По обыкновению, о тех дарах, что было сложно поместить во внутренние дворцовые покои, только объявляли, называя содержание дара и имя дарителя, в то время как сами дары передавались на дворе. Из этого правила бывали и исключения. Об одном таком случае рассказывает глава Великого голландского посольства в 1675–1676 гг. Б. Койэтт: однажды главе посольства Конраду ван Кленку привели подаренную ему лошадь в столовую «через 18 крутых ступенек и опять по ним же назад»¹⁷⁶.

Церемония передачи дареных лошадей русскому царю начиналась на посольском дворе, где стрельцы принимали дары в очередности, указанной в списке. Далее процессия выстраивалась по порядку и шествовала в Кремль; здесь же ехали посольские кареты и верховые дворяне и офицеры от каждой из сторон, сопровождающие процедуру передачи. Коней в качестве подношения вели в начале шествия, перед посольской каретой или санями¹⁷⁷; конское убранство могло украшаться символическими знаками, указывающими на их особое происхождение. Так, дарами Великого голландского посольства 1675–1676 гг. были 8 лошадей в пополах, на которых выткали гербы принца Оранского. «Таким образом подвигалось шествие, при постоянных звуках труб и литавр <...> Стрельцы... все время играли на своих флейтах и свирелях и били в барабаны. Весь путь был так битком набит народом, что даже на крышах домов и на галереях башен все было заполнено. Действительно, ведь и было на что посмотреть», –

¹⁷⁰ Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. С. 20.

¹⁷¹ Гамель И. Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865. С. 67.

¹⁷² Шапиро Б. Л. Русские золотные шубы XVI–XVII вв.: бытование и распространение // Палеороссия. 2019. № 1 (11). С. 135–146.

¹⁷³ В 1634 г. дарами греческих и турецких купцов и духовных лиц были «два наголовья, с очень искусно приготовленной передней и задней отделкой. Две попоны, шитые золотом и жемчугом. Наголовье для лошади, украшенное драгоценными камнями». См.: Оlearий А. Описание путешествия... С. 28–29.

¹⁷⁴ «Во утверждение дружбы...» С. 17–18, 35–36.

¹⁷⁵ Устрялов Н. Г. Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 1. Борова летопись московская. СПб., 1831. С. 34.

¹⁷⁶ Койэтт Б. Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 459.

¹⁷⁷ «Во утверждение дружбы...» С. 11.

вспоминает Б. Койэтт¹⁷⁸. По прибытии в Кремль лошади, в зависимости от породности, поступали в одну из царских конюшен.

Царские от дарки можно оценить на примере предназначавшихся для датского принца герцога Иоганна (жениха царевны Ксении, единственной дочери Б. Годунова), который посетил Москву в 1602 г.; их великолепие, согласно обычаю, соответствовало статусу церемонии.

Для встречи герцога в Нарве была отправлена великокняжеская свита, состоявшая из 2000 конников и 500 человек пехоты. Для путешествия герцогу была предоставлена коляска, которую постоянно сопровождали 500 конников. У Старицы герцога ожидали еще 4000 вооруженных конников в парадной одежде. Здесь его ждали богатые подарки, в том числе «от великого князя и царя всея Руси три прекрасные лошади. Между ними одна белая с черными, очень частыми пятнами, точно рысь. На каждой лошади серебряная сбруя, на русскую стать седло, обитое бархатом, серебром и золотом, и все это прекрасной работы»¹⁷⁹.

Поблизости от Москвы герцога встречали 1500 конников из числа московской придворной знати; как и прочие, они были одеты в самые лучшие кафтаны из золотой и серебряной парчи. Вызолоченное убранство их лошадей не уступало этим одеждам по своему богатству. Общее количество конных встречников, по подсчету посланников, достигало десяти тысяч¹⁸⁰.

Торжественное действо сопровождалось музыкой: били барабаны и литавры, которые при непосредственном въезде в город сменились на звон кремлевских колоколов. Здесь герцогу был подарен «от имени царя прекрасный, серый в яблоках конь, в серебряном, вызолоченном седле и в чепраке из золотой парчи; нашейник у коня был серебряный, позолоченный, также и уздечка, по русскому обычаю, двойная»¹⁸¹. Богато убранными конями были одарены и другие участники посольства, по их словам, и «большие и малые»¹⁸²; на них они и въехали в Москву¹⁸³.

На другой день после приезда герцогу был прислан царский стол из 99 (по другим сведениям – из сотни) кушаний на блюдах из чистого золота и восемь разного рода напитков в ендавах¹⁸⁴. Церемония торжественной передачи послам кушаний с царского стола также происходила торжественным порядком, причем А. Олеарий в 1634 г. отмечал, что в раннее время иноземные послы обедали у царя, теперь же еда присылается гостям на подворье¹⁸⁵. Соответственно сказанному, церемония торжественной передачи послам кушаний с царского стола встречалась в XVII в. чаще, чем прежде.

Царский стол, если он посылался единой подачей, включал в себя колоссальное количество еды и питья, столовых приборов и принадлежностей. «Когда великий князь праздновал день своего рождения, – вспоминает Георг Тектандер, посланник Священной Римской империи, – нам, как и раньше, прислали из дворца 200 человек, которые несли каждый по блюду с

¹⁷⁸ Койэтт Б. Посольство Кунраада фан Кленка... С. 399–402.

¹⁷⁹ [Вебер И., Луид М. И.] Подлинное известие о русском и московском путешествии и въезде светлейшего высокородного князя и государя, господина герцога Иогансена младшего из королевского датского рода и проч. / Два сватовства иноземных принцев к русским великим князям в XVII столетии // ЧОИДР. 1867. № 4. С. 4–8; Гюльденстиерне А. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштейнского в Россию 1602 г. // ЧОИДР. 1911. № 3. С. 13.

¹⁸⁰ Результат подсчета встречников не совпал со сведениями принимающей стороны, согласно которым она предоставила 30 000 всадников. См.: Гюльденстиерне А. Путешествие его княжеской светлости... С. 16.

¹⁸¹ [Вебер И., Луид М. И.] Подлинное известие о русском и московском путешествии... С. 9. На первый взгляд эти дары были превосходны, но иноземные гости отмечали и поддельные камни, и позолоченное серебро, призванные заменить драгоценные материалы. См.: Гюльденстиерне А. Путешествие его княжеской светлости... С. 13–15. Здесь нужно упомянуть, что в посольских дарах ценилась прежде всего стоимость материалов, и только во вторую очередь техническое и художественное совершенство исполнения. Этот момент крайне важен для оценки качества даров герцогу Иоганну.

¹⁸² [Вебер И., Луид М. И.] Подлинное известие о русском и московском путешествии... С. 9.

¹⁸³ Гюльденстиерне А. Путешествие его княжеской светлости... С. 16.

¹⁸⁴ [Вебер И., Луид М. И.] Подлинное известие о русском и московском путешествии... С. 13; Гюльденстиерне А. Путешествие его княжеской светлости... С. 17.

¹⁸⁵ Юзефович Л. А. Путь посла... С. 224.

разными рыбами, ибо это был постный день у московитов. Впереди же всего несли голые хлебы – каждый хлеб по два человека. Сперва поднесли один господину Послу, а потом и остальным, по старшинству чина, с теми же словами... что Великий Князь, дескать, нас ими жалует»¹⁸⁶. Иностранцы, побывавшие при русском дворе, отмечали, что получать кушанья, отведенные царем, считалось высшей честью, на которую только могли рассчитывать посланники¹⁸⁷. Центром внимания и в этой церемонии был всадник в богатом уборе – распорядитель, призванный объявить послам царскую милость¹⁸⁸.

* * *

Таким образом, диада «конь – всадник» в русской позднесредневековой культуре, когда славянские верования еще сохранялись, а животные наделялись мифо-ритуальными функциями, находится прежде всего в пространстве взаимосвязанных мифологической и царской парадигм. Универсальный героизированный образ всадника, помещенный в пространство царской власти, трансформируется в образ царя-всадника, сохраняя все базовые характеристики, изначально присущие образу. Будучи помещенным в пространство московского обычая, конь наделяется особой ролью бинарного характера. Эта дихотомичность рассматривалась современниками как важный аспект русской культуры.

¹⁸⁶ *Тектандер Г.* Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. М., 1896. С. 45.

¹⁸⁷ *Роде А.* Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 293.

¹⁸⁸ «Если Император не расположен пировать с послом, после приема, по обычаю страны <...> посылает ему обед домой следующим порядком: прежде всего, направляет... знатного дворянина, одетого в золотую парчу, с воротником и в шапке, расшитыми жемчугом, который перед обедом отправляется верхом, чтобы передать послу приветствие и объявить милость Императора, а также чтобы составить ему компанию за обедом. Его лошадь окружают пятнадцать или двадцать слуг, затем идут два человека, несущие каждый по скатерти, свернутой в свиток, затем следуют двое других, несущие солонки, и еще двое с двумя уксусницами, полными уксуса, затем еще двое, один из которых несет два ножа, а другой две ложки, весьма дорогие, далее следует хлеб, который несут шесть человек, идущих парами; далее следует водка и после – дюжина человек, несущих каждый по серебряному сосуду <...> с винами разных сортов <...> После этого несут столько же больших кубков немецкой работы; дальше следуют кушанья <...> в больших серебряных блюдах, но если Император благоволит послу, то вся посуда, которой накрывают на стол – золотая. Затем появляются 18 или 20 больших жбанов, наполненных медоном (медовым напитком) различных сортов, каждый из них несут два человека, далее следует дюжина людей, несущих каждый по пять-шесть больших чаш для питья, и после всего следуют две или три тележки с медоном и брагой для простолюдинов, все несут отряженные для этого стрельцы, которые одеты самым подобающим образом. Я видел до трех и четырех сотен их, несущих... кушанья и напитки для одного обеда, и видел, как в один день посылали три обеда разным послам, но одному больше, другому – меньше; однако тем же вышеописанным порядком». См.: *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007. С. 158. Ж. Маржерет находился на русской службе в начале 1600-х гг.

ГЛАВА 2. ВЕЩНЫЙ МИР МОСКОВСКОГО ВСАДНИКА: САКРАЛЬНОЕ/СВЕТСКОЕ

1.2.1. «ДВУГЛАВЫЙ ПОД КОРОНОЮ ОРЕЛ»: КОНСКОЕ УБРАНСТВО В СИСТЕМЕ АТРИБУТОВ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Убранство коня – одного из наиболее мифологизированных животных в русской культуре, активно формирующих сакральное пространство, – исторически имело глубоко символическую основу. Особое место в этой системе принадлежит коню царскому, парадное убранство которого составляло фон для восприятия образа государя¹⁸⁹.

Главными по смыслу были покровцы для покрытия седел заводных лошадей, идущих перед царской каретой¹⁹⁰. Покровцы лошадей, находившихся под царственными всадниками, несли перед ними или за ними¹⁹¹. Одним из самых ценных покровцов в царской Конюшенной казне считался «покровец с царствы» начала второй четверти XVII в.¹⁹², вышитый по лазоревому атласу «пряженым золотом, серебром и разноцветными шелками; в середине на красном фоне вышит герб Московского государства – двуглавый орел с Георгием Победоносцем на коне в центре; конь вынизан мелким жемчугом. В кайме покровца – десять кругов из белого атласа с вышитыми золотом, серебром, разноцветными шелками и жемчугом гербами областей Московского государства: Казанской, Сибирской, Новгородской, Тверской, Рязанской, Болгарской, Пермской, Вятской и Нижегородской; круги обведены рельефно вышитыми золотом и серебром обводками с жемчужным низаньем; жемчуг обильно украшает все шитье покровца. По краю – серебряная бахрома, подкладка – желтой камки»¹⁹³. В описи Бутурлина (описи Конюшенной казны, составленной стольником Ф. Бутурлиным в 1706–1707 гг.) этот покровец указан первым среди всех царских покровцов.

Как покровец был декоративным дополнением седла, так и расшитый рельефными золотыми узорами конский плат был частью убранства русского арчака. При седловке седла и платы подбирались по принципу внешнего сходства, в том числе сходства орнаментации. Платы расшивались по бархату, по сукну, атласу¹⁹⁴ и по алтабасу: так, в царской казне имелся «плат алтабас серебрян; по нем травы шиты золотом волоченым, в травках вшит бархат червчат, да зелен; круживо плетеное с городы, золото с серебром»¹⁹⁵. В подобной трудоемкой, но эффективной технике украшались и другие парадные конские вещи, такие как седла, попоны и чепраки.

Золотосеребряное шитье дополнялось металлическим кружевом и жемчужными работами (низаньем и саженьем): эти техники были важнейшими для декорирования светских и культово-ритуальных предметов. На протяжении столетий именно жемчуг выступал основным

¹⁸⁹ Шапиро Б. Л. Гербовое убранство царской лошади: Россия позднего средневековья и Новое время // История: факты и символы. 2017. № 1. С. 14–26.

¹⁹⁰ «Корунные» кареты и телеги занимали не последнее место в формировании эффектного царского выезда. См.: Забелин И. Е. Троицкие походы русских царей. М., 1847. С. 8.

¹⁹¹ Денисова М. М. Конюшенная казна. Парадное конское убранство XVI–XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 269.

¹⁹² Шапиро Б. Л. Церемониальный текстиль XVII века: низаные жемчужные работы мастерских Московского Кремля // Вестник КемГУ. История. 2018. № 1 (73). С. 74–78.

¹⁹³ Денисова М. М. Конюшенная казна. С. 268. Близко по внешнему виду и по смыслу к покровцам Конюшенной казны примыкали покровцы саадачные: они выносились среди прочих государственных и воинских регалий вместе с саадаком.

¹⁹⁴ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Т. 1: Народная гражданская одежда, с 862 по 1700 год. СПб., 1899. С. 23; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. Ловчий снаряд. М., 1884. С. 144.

¹⁹⁵ Виктор А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 г. Вып. 2. М., 1883. С. 499.

украшением предметов царского наряда и обихода. Золотосеребряное кружево с включением жемчуга украшало церемониальные вещи (например, завесы к тронам царей Петра и Ивана¹⁹⁶), религиозные облачения, свадебные платы (ширинки) и парадное конское убранство (конские попоны, чалдары¹⁹⁷ и чепраки). Текстиль, украшенный жемчугом, традиционно служил наиболее эффектным дополнением золота; в русской культуре он ассоциировался с вещественным выражением высокого статуса.

До настоящего времени сохранилось не так много образцов русской жемчужной работы. Лучшие экземпляры в большинстве своем выполнены в Царицыной мастерской палате и других мастерских Московского Кремля (для сложных работ в технике низания привлекались мастера Серебряной палаты). В основном это вещи, издавна хранившиеся в составе царской казны и патриаршей ризницы¹⁹⁸. Большинство из них датируется второй половиной XVII в.: этот период стал временем расцвета русских работ с жемчугом; от прочих их отличает композиционное совершенство, сложность техники и разнообразие применяемых материалов.

Одним из таких шедевров является жемчужный чепрак, изготовленный в Царицыной мастерской палате во второй половине XVII в. Это подседельный покров из червчатого бархата, закрывающий спину, бока, бедра и частично голени царской лошади¹⁹⁹. Он «бархатный, червчатый, низанный жемчугом, угловатым и круглым, в виде развода из цветов, с коймою и с обводкою вокруг узора из волоченого золота, в виде веревочки; у цветов в серединах, равно и по некоторым лепесткам вставки золотые, чеканные с припаянными гнездами, в которых посажены изумруды и красные яхонтики; с трех сторон чепрака, вместо бахромы, пришиты к золотой тесемочке так называемые ряски или ниточки жемчужные длиною примерно около полутора вершка с закрепами в виде русских пуговок из серебряной позолоченной проволоки. Подкладка под чепраком зеленая канвовая. На чепраке вставок в виде цветков сорок две. На середине репей, в котором посажен красный яхонт, граненый россыпью и кругом его на шести листках посажены через один три лалика и три изумрудца. Во всем же чепраке: яхонтов – 75, изумрудов – 65, жемчуга – 130 золотников»²⁰⁰. Декоративным оформлением служит сетка из золотого шнура с включением жемчуга. По манере исполнения она схожа с декором, который в XVII столетии носил название „гривы“: с „гривой конской“, т. е. с „плетеной из пряденого

¹⁹⁶ Левинсон-Нечаева М. Н. Золото-серебряное кружево XVII в. // Сборник статей по истории материальной культуры XVI–XIX вв. Труды ГИМ. Выпуск XIII. М., 1941. С. 182.

¹⁹⁷ Чалдар – попона с нашитыми металлическими бляхами. Его военное происхождение выдают металлические бляхи или пластинки, нашитые по полю; со временем пластинки заменяются на касты с драгоценными камнями или полностью исчезают (но остается сложная разъемная конструкция панцирного покрова). Поверх чалдара укладывали попону или чепрак, затем седло. См.: Шапиро Б. Л. Текстильное конское убранство в системе атрибутов царской власти // Вестник КемГУ. История. 2017. № 1 (69). С. 75; Gifts to the Tsars. 1500–1700. Treasures from the Kremlin. Exhibition Catalogue. New York, 2002. P. 194.

¹⁹⁸ Сегодня находятся в Оружейной палате Музеев Московского Кремля.

¹⁹⁹ В основе декоративного решения чепрака лежит низанье жемчугом – круглым «окатным» высокого качества, и более простым неправильной формы, так называемым «угловатым». Из жемчуга на материи выложен цветочный узор с обводкой из волоченого золота веревочкой, из жемчуга же сделана сквозная сетка в виде «ряски» из жемчужных нитей, окружающая чепрак с трех сторон. Нити сетки имеют длину около 7 см; они заканчиваются закрепами в виде пуговок из серебряной позолоченной проволоки. Сетка расположена на зеленом канвовом подкладе. По манере исполнения эта сетка схожа с жемчужной сеткой подшейного науза и с так называемыми «гривами»: с «гривой конской», то есть с «плетеной из пряденого золота или серебра сеткой, которую покрывали гриву лошади для украшения», и с «гривой одеяльной». См.: Козыт Е. В. Науз с владельческой надписью из собрания Музеев Московского Кремля // Московский Кремль. Материалы и исследования. Вып. 28. Оружейное собрание Музеев Московского Кремля. Памятники, история, проблемы изучения. М., 2018. С. 128–135; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 174; Шапиро Б. Л. Жемчужный чепрак второй половины XVII в. из мастерских Московского Кремля // «История кружева – история страны»: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Москва, 3 ноября 2016 г. М., 2016. С. 21–27.

²⁰⁰ Якушина Л. И. Русское шитье жемчугом. М., 1955. С. 81, 139. В схожих материалах и техниках выполнен арчак на парадного коня царя Федора Алексеевича «луки которого украшены эмалью ослепительно зеленого оттенка с узором виноградных лоз. Крупные сапфиры, изумруды, алмазы создают общую цветовую гамму, приятную для глаз. Подушка вышита цветами, скомпонованными из жемчуга и изумрудов. Орнамент в виде городков, вынизанный жемчугом по краю подушки, свидетельствует о том, что арчак сделан в Москве». См.: Оружейная палата. М.: Московский рабочий, 1964. С. 302.

золота или серебра сеткой, которою покрывали гриву лошади для украшения»²⁰¹, и с „гривой одеяльной“»²⁰².

Частью удивительного по красоте конского убранства были «персидские ковры, для лошадей, удивительно вытканые серебром и золотом»²⁰³; каждый из которых несли два человека, а также тигровые и леопардовые покровы, серебряные удила, повода из золотного шелка и красный штофный чепрак, украшенный финифтью и кованым золотом. Драгоценный ковер исполнял роль попоны для коня митрополита и в «шествии на осляти»²⁰⁴, символизовавшем Вход Господень в Иерусалим. Шествие было «особой церемонией: митрополит садится на коня, покрытого ковром, которого за повод ведет князь, и если не он, то его сын или самый знатный боярин, – вспоминал итальянец-иезуит П. Кампани. – В... сопровождении толпы народа они торжественно продвигаются к церкви, где совершается богослужение»²⁰⁵.

«Наметные барсы» – парадные конские попоны из шкур экзотических зверей, сделанные на красном текстиле, задействовались в самом роскошном убранстве, где они выступали заменой привычным текстильным покровам²⁰⁶. Выглядели они эффектно: «послам [шлезвиг-голландского герцога Фридриха III] для въезда были подведены две большие белые лошади, покрытые вышитыми немецкими седлами и украшенные разными уборами... За лошадьми шли русские слуги и несли попоны, сделанные из барсовых шкур, парчи и красного сукна»²⁰⁷. Отмечает дюжину лошадей «в богатых чепраках и седлах, под дорогами покрывалами из мехов рысских и барсовых» и свидетель торжественного въезда в Москву конного поезда Марины Мнишек²⁰⁸.

Также на седла накидывались шкуры рысей и леопардов, не сшитые в попоны²⁰⁹. «Для нашего въезда царь прислал нам 200 экипажей, запряженных каждый в одну лошадь, очень рослую, – писал персидский дипломат Орудж-бек, – кучера, экипажи и лошади были покрыты львиными и тигровыми шкурами, отчасти для большей пышности, отчасти для защиты от холода»²¹⁰. В описях царской казны такие покровы упоминаются как «барсы, бабры и

²⁰¹ *Савваитов П. И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896. С. 28. Украшением царского въезда были «12 белых лошадей, „обвязанных шелковыми сетками“, [которые] везли колымагу царицы, окруженную 200 стрельцами». См.: *Черная Л. А.* Придворная культура Алексея Михайловича: от Артаксеркса до Орфея // Исторический вестник. Романовы: династия и эпоха. 2013. Т. 3. № 150. С. 31.

²⁰² Такая грива упоминается в «Приходной и расходной книге товарам и кроильные платья» за 1627 г.: «от царицы из хором принесена одеяльная грива – по атласу по червчатому низаны травы жемчугом; меж трав в гнездах 22 яхонты лазоревых, да 25 изумрудов, да 17 лалов; подкладка киндяк лазорев». См.: *Викторов А. Е.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 г. Вып. 1. М., 1877. С. 339.

²⁰³ *Лизек А.* Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 г. // ЖМНП. 1837. № 16. С. 365.

²⁰⁴ Подобным образом оформлялось «шествие на осляти» при интронизации патриарха или митрополита, но здесь осли вел придворный – конюший, боярин или окольный, который не представлял царя, а только выполнял почетную функцию. См.: *Успенский Б. А.* Царь и патриарх... С. 458. Ритуал также исполнялся в Кремле: «А после обедни Патриарх Иосиф вышел из Церкви Положения честных Ризы пречистой Богородицы, и сойде по лестнице, и сяде на ослия у лестницы с приступки, и поехал с Патриарша двора в Ризоположенские ворота, а вел под Патриархом ослия за конец повода боярин Василей Петрович Шереметев, а по среди повода вел окольный князь Андрей Федорович Литвинов Масальской, а у губы ослия, с правую сторону, вел его Патриарш боярин Василей Янов, а с другую сторону за узду вел ослия стремянной конюх; те же, которые веди и в неделю». См.: Чин Патриаршья круг города на осляти шествия, бываемого в день постановления Российских патриархов, и следующие в том обряды, 1642 года // Древняя российская вивлиофика. 1788. № 2. С. 252–253.

²⁰⁵ *Кампани П.* Записки. Сведения о России конца XVI в. // Вестник МГУ. 1969. № 6. С. 84. Кампани был в посольстве вместе с ватиканским дипломатом А. Поссевино, прибывшим в Москву в феврале 1582 г.

²⁰⁶ *Шапиро Б. Л.* Сакральное в царском конном въезде: нарративные источники позднего русского средневековья // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 2 (56). С. 103–121.

²⁰⁷ *Олеарий А.* Описание путешествия... С. 45.

²⁰⁸ *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 1. С. 71.

²⁰⁹ *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613. С. 57; *Майерберг А.* Путешествие в Московию барона Августина Майерберга. М., 1874. С. 143.

²¹⁰ Из рассказов Дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг. // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 179.

ирбасы»²¹¹. Стоит добавить, что в «Расходных книгах товарам и вещам для царского обихода» также фигурирует «покроец попугайной желт», небольшой коврик, сшитый из шкурок полу-тысячи попугаев²¹².

В церемониях с участием царских лошадей вышеописанные вещи были представлены с большей или меньшей полнотой, разной для верховой и упряжной лошади. Особой роскошью отличалось убранство «выводных» лошадей, сотенные ряды которых вели слуги, предвзяря появление царской лошади или царской кареты. Так, в 1600 г. торжественно доставляли в Троице-Сергиев монастырь полиелейный колокол и драгоценную ризу на икону. «Сначала, в течение всего утра, выходили из города различные конные отряды и размещались для встречи царя при его выезде из городских ворот. Около полудня царь отправил вперед свою гвардию, которая была вся конная, числом в 500 человек... За гвардией двадцать человек вели двадцать прекрасных коней с двадцатью очень богатыми и искусно отделанными седлами, и еще десять для царского сына и наследника... За ними вели, таким же образом, двадцать прекрасных белых лошадей для царицыных карет; на этих лошадях были только красивые попоны, а на голове узда из красного бархата», – вспоминал англичанин В. Парри²¹³.

Следом за каретными лошадьми шествовали монахи и горожане, а «позади них вели царского коня <...> а также коня царевича; седло и прочая сбруя царского коня были в изобилии осыпаны драгоценными, прекраснейшими камнями»²¹⁴. Далее следовали церковные иерархи, царь, ведший за руку сына, и царица в сопровождении придворных дам. Позади ехали три роскошные огромные кареты, запряженные, соответственно, десятью, восемью и шестью прекрасными лошадьми. За ними шли придворные, и уже затем везли ризу и колокол, сопровождение которых составляло в общей сложности 4 000 человек. Убранство коней, роскошь карет и парадных одежд участников процессии поражали воображение очевидцев.

Наиболее многочисленной группой среди всего парадного убранства царской лошади являются гербовые седла XVII в., включая «седло детское, луки и извести окованы золоченым, расчеканенным травами серебром; на передней луке вычеканены лев и единорог, на задней – двуглавый под короною орел»²¹⁵. Эти предметы изготавливались для церемониальных нужд двора – не только царской семьи, но ее телохранителей, военачальников и «сотенных людей» Государева полка²¹⁶. Гербовым декором седел и арчаков были следующие сюжеты: «на задней луке двуглавый орел»; «на задней луке двуглавый под короною орел»; «на задней луке двуглавый орел, лев и единорог»; «на задней луке двуглавый под короною орел, между львом и единорогом»; «на передней луке в травах лев и гриф, на задней двуглавый, под тремя коронами, орел»; «луки и извести с... меж трав львом, единорогом и соколами»; «на задней луке и известях всадник, поражающий дракона, соколы в травах, единорог и лев»; «на задней луке двуглавый под тремя коронами орел, на передней единорог и Самсон, раздирающий пасть льва»; и особенный по богатству содержания «меж трав на передней и задней луках двуглавые орлы;

²¹¹ Описание царской казны на Казенном дворе 1640 года. М., 2014. С. 102.

²¹² Виктор А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 106; Писарская Л. В. Оружейная палата Кремля. М., 1975. С. 212.

²¹³ Парри В. Проезд чрез Россию персидского посольства в 1599–1600 гг. // ЧОИДР. 1899. № 4. С. 8. В. Парри был в числе англичан, находившихся в составе персидского посольства от Шаха Аббаса I в Европу.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Описание Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 50. Подростки участвовали в конных церемониях наряду со взрослыми мужчинами; эта традиция соблюдалась вплоть до последних лет Российской империи. Вот как описывали современники парадный выезд по случаю коронации Александра III и его супруги Марии Федоровны: «Государыня императрица вместе с великой княгиней Ксенией Александровной села в карету. Государю императору подали верхового коня белой масти. Государь Наследник Цесаревич (на тот момент пятнадцатилетний. – Б. Ш.) сел тоже на лошадь, а Великий Князь Георгий Александрович (двенадцатилетний. – Б. Ш.) поместился на маленьком пони». См.: Коронационный альбом в память священного коронавания их императорских величеств в Москве 15 мая 1883 года. СПб., 1883. С. 3.

²¹⁶ Государева Оружейная палата. Сто предметов из собрания Российских императоров. СПб., 2002. С. 210–211, 242–243.

на передней орел под короною со скипетром и державою; по сторонам орла: единорог, лев и крылатые грифы; ближе к известям, вооруженные саблями и копьями, всадники и пешие стрелки»²¹⁷.

Изображение герба на опрае обоих лук седла наиболее характерно для второй половины XVII в.²¹⁸ Самое раннее седло, украшенное текстилем с гербовым сюжетом, выполнено в Царицыной мастерской палате в годы правления Ивана IV; покрытое вишневым бархатом с вышитыми пряденым золотом и серебром двуглавыми орлами, травами и «инорогами», возможно, оно принадлежало лично царю²¹⁹.

Другие элементы седельного сбора украшались аналогично. Царские стремена имели гравировку в виде двуглавого орла, которая располагалась в центре круглого подножия²²⁰. Сохранились легкие дугообразные стремена из золоченого серебра, выполненные в мастерских московского Кремля для царя Алексея Михайловича: они имеют резное изображение двуглавого орла в картуше²²¹, расположенное традиционно, в центре круглого подножия.

В седельный сбор входили пистолетные ольстры²²², оформление которых в парадном убранстве было очень эффектным: «бархатные, шитые травами, золотой канителью, и блестящими, с двумя жемчужными двуглавыми орлами на отворотах, украшенными местами изумрудами и красными яхонтами... У орлов: головы, шеи, туловища, и часть крыльев из мелкого жемчуга; вместо глаз две яхонтовые искры, а на срединах туловищ, где обыкновенно бывает Московский герб, по одному треугольному изумруду, в золотых гнездах. В коронах над орлами двадцать четыре яхонта. Три короны, крышки над патронами, обнизь вокруг бархата, подле герба, равно каймы по краю отворотов и середины в шестидесяти четырех травах вышитых на самых ольстрах, низаны по местам одинаковым с орлами жемчугом, местами с обводкой золотым трунцалом и канителью»²²³.

Гербовыми изображениями украшались и прочие детали конского убранства. Под седло подкладывали покровы различных типов – чалдар, чепрак, попону – которые в парадном варианте также имели символический декор²²⁴. Сверху седло покрывалось роскошными, пышно декорированными наметами, покровцами и платами. Обыкновенно все части седельно-сбруйного комплекта представляли комплекс, выдержанный в едином художественном стиле. В

²¹⁷ Описание Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 5–6, 8, 41–47.

²¹⁸ Кириллова Л. П. Старинные экипажи. Сокровища Оружейной палаты. М., 2000. С. 194.

²¹⁹ Там же. С. 191; Ненарокова И. С. Государственные музеи Московского Кремля. М., 1987. С. 71; Описание Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 30–31.

²²⁰ Виктор А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 206–207; Описание Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 16.

²²¹ Кириллова Л. П. Старинные экипажи. Сокровища Оружейной палаты. С. 194–195. Большинство предметов, украшенных гербовыми сюжетами, было сделано руками русских мастеров, но были и исключения. Так, саадак Большого наряда Алексея Михайловича и посольский топор, украшенный двуглавым гербом под тремя коронами, были изготовлены в Турции. Целый комплекс гербовых регалий 1656 г. – бармы, скипетр, державу и саадак Второго наряда – был изготовлен стамбульскими мастерами. См.: Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. М., 1860. С. 242; Государева Оружейная палата... С. 210–211, 218–219. Были декорированы русским государственным гербом в виде двуглавого орла под двумя коронами изготовленные в Амстердаме подарки правительства Голландских штатов – блюдо и кувшин, – поднесенные царю Алексею Михайловичу в 1648 г. См.: «Во утверждение дружбы...» С. 72–73. Украшен изображением двуглавого орла под короной парадный чалдар малинового бархата, изготовленный придворными иранскими мастерицами в конце XVI – начале XVII в. См.: Описание Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 192.

²²² «Когда царь выезжал верхом, конные стрелки следовали за ним верхом, – сообщал И. Масса, – у каждого из них была лошадь, а алебардчики сопровождали царя пешком до ворот, у которых и ожидали его возвращения. Конные стрелки каждый раз выезжали с заряженными пистолетами». См.: Бартоломеев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 2. Государев двор. Дом Рюриковичей. М., 1912. С. 290. Сегодня русские ольстры известны больше по письменным, нежели по вещевым источникам; к московским археологическим находкам XVII в. относится всего два предмета. См.: Курбатов А. В. Ольстра по письменным и археологическим данным // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2014. № 6. С. 99–104.

²²³ Описание Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 123.

²²⁴ Виктор А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 2. М., 1883. С. 499; Описание Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 140.

едином стиле выдерживалось убранство не только верховых, но и упряжных лошадей, участвующих в парадных церемониях. Так, в число деталей убранства, украшенного гербовыми сюжетами, входили и шорные кровли (часть упряжи на цуг)²²⁵.

Одними из наиболее необычных и эффектных украшений царской лошади были цепи (чепи) «из серебра, или вызолоченные, [которые] разделялись на поводные и гремлячие; первые были из колец, и висели от удила до передней седельной луки, в виде поводьев, а вторые из нескольких, скрепленных между собою, дутых погремушек, прицеплялись у той же луки и висели иногда ниже живота лошади»²²⁶. Цепи входили в число символов царской власти, являясь главной деталью так называемого Большого конского наряда²²⁷. Современники отмечают, что эта деталь очень украшала лошадей, производя много «странного шума и сильного звона»²²⁸.

Очевидцы вспоминали, как, по случаю пасхальных торжеств, «царь сидел на большом красивом сером коне, увешанном большими цепями из тяжелых золотых или позолоченных серебряных звеньев. Между звеньями кое-где висели прикованные к ним образы орла и святого Георгия»²²⁹. Символическим декором цепей были львы, одноглавые орлы с распущенными крыльями, двуглавые орлы и двуглавые орлы «у коих крылья распущены, а в когтях каждого по скипетру и державе», расположенные на восьмиугольных золоченых прорезных звездах²³⁰.

Ноги коней также богато украшались: наколенками и подковами «тоже производившими звук от привешенных к ним серебряных цепочек»²³¹, и особыми украшениями у копыт под названием «остроги, в виде шпор, с бубенцами»²³². Размещались гербовые символы и на оголови, в том числе на решмах и на «плащах» из набора наузольников²³³.

Сюжеты декора имели вполне конкретно понимаемую современниками символическую основу. Традиционными для украшения парадного убранства царской лошади были не только изображения ездока, но и фигуры четырех гербовых животных – грифона, орла, единорога и льва. Система государственной символики с их участием оформляется с 3 февраля 1561 г., когда «царь и великий князь печать старую меньшую... переменял, а учинил печать новую складную: орел двоглавыи, а среди его человек на коне, а на другой стороне орел же двое-

²²⁵ Там же. С. 137.

²²⁶ Майерберг А. Путешествие в Московию... С. 58–59. Традиция использования цепей относится, прежде всего, к допетровской России, но они действовали и в более позднее время. Так, вышеупомянутая цепь с ошейком, украшенным двуглавым орлом, в 1725 г. украшала одну из лошадей во время траурной процессии при погребении Петра I. См.: Мельникова О. Б. Серебряные конские цепи в Оружейной палате. С. 128. Эти похороны стали не только наиболее полным выражением нового имперского ритуала, но и, одновременно, одним из последних погребений, совершенных «по московскому обычаю». Причиной смешения двух разноплановых культур, возможно, стало то, что Я. В. Брюс, возглавлявший Печальную комиссию, намеревался провести аналогию с последними царскими похоронами Московского государства. В результате печальная процессия получила компилятивный характер с включением как западноевропейских, так и московских традиций, что наилучшим образом отражало личность усопшего. Формы старого обряда органично встроились в канву нового церемониала. При Анне Иоанновне цепи в качестве убранства царской лошади уже не встречаются.

²²⁷ Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 45.

²²⁸ Трапа А. Дневник Андерса Траны: 1655–1656. Великий Новгород, 2007. С. 38; Олсариу А. Описание путешествия... С. 45.

²²⁹ Витсен Н. Путешествие в Московию. 1664–1665. СПб., 1996. С. 157. Описание, приведенное Витсенем, тем более ценно, что царь, как участник торжеств, не всегда выступал в качестве всадника. «Во время церковных торжественных шествий царь идет пешком, верхом он ездит реже, а чаще всего в каретах, которых у него очень много», – отмечал путешественник Я. Рейтенфельс. См.: Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому... С. 299. Заметки Рейтенфельса относятся к первой половине 1570-х гг.

²³⁰ Мельникова О. Б. Серебряные конские цепи в Оружейной палате // Московский Кремль. Материалы и исследования. Вып. 16. Художественные памятники Московского Кремля. М., 2003. С. 128; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 164–165.

²³¹ Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 45–46.

²³² Майерберг А. Путешествие в Московию... С. 58–59.

²³³ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 111.

главной, а среди его инърог»²³⁴. Реформа царской печати и государственной символики была напрямую связана с новым царским статусом Московского государя. С принятием Иваном IV царского титула, вероятно, следует связывать появление на голове ездоца короны²³⁵.

Единорог вошел в систему российских государственных символов с февраля 1561 г.; в течение следующего столетия он периодически из нее выходил и вновь возвращался. Семантика ездоца и единорога в этот период была равнозначна. Часто единорог изображался в паре со львом; сочетание имеет древние корни, но в русской геральдике эта парная эмблема получает наибольшее распространение со времен правления первых Романовых²³⁶. В конском церемониальном убранстве чаще всего встречались две композиции: первая – из противостоящих льва и единорога, а другая – из таких же фигур, расположенных по сторонам от орла. Чеканными накладками с одиночными изображениями львов были украшены бархатные тебенки седла царя Михаила Федоровича. Это седло, входившее в полный наряд царской лошади, было выполнено в 1637–1638 гг. в мастерских Московского Кремля теми же мастерами, которые чуть ранее изготовили царские регалии: венец, державу, скипетр и саадак²³⁷.

Четвертым символом был грифон, или, как его называли на Руси, гриф. Его изображения также служили для обозначения наиболее статусных вещей. Так, в царской Конюшенной казне имелся «покровец изорбатной золотной; по нем травы разных шолков. В середине четыре грифа, кругом бахрома золотная. Подложен тафтою зеленою»²³⁸. Особое значение покрывца подчеркивается материалом, выбранным для его изготовления. Это изорбаф (изорбат, зарбаф) – золотный иранский шелк, одна из наиболее статусных тканей, чье название в буквальном переводе означало «золотая ткань»²³⁹.

Эти четыре фигуры (грифон, единорог, орел, лев) в сочетании с ездоцем следует рассматривать в качестве единой российской государственной символической системы²⁴⁰, чья аллегорическая образность превращала узкоприкладное²⁴¹ в ритуально значимое.

Очевидно, что парадное конское убранство, искусно выполненное из драгоценных материалов, какими были золото, золотные ткани, драгоценные камни и жемчуг, представляло не только часть художественно-эстетической и материальной культуры, характеризующей уровень развития общества. Отмеченное государственной символикой, парадное убранство царской лошади приобретало особый статус. Со временем изменяясь в деталях, такое убранство неизменно составляло фон, подчеркивающий значение фигуры правителя. Великолепие цере-

²³⁴ Пчелов Е. В. Изменения государственного герба России в XVI–XVII вв. и их причины / Тезисы докладов участников VIII международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 101; Пчелов Е. В. «Лев и единорог» в русской культуре: к вопросу о семантике символов // Исследования по лингвистике и семиотике. Сб. статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова. М., 2010. С. 429.

²³⁵ Вилинбахов Г. В. Всадник русского герба // «Полцарства за коня...». Лошадь в мировой культуре. Каталог выставки. Произведения из собрания ГЭ. СПб., 2006. С. 145; Пчелов Е. В. Изменения государственного герба России в XVI–XVII вв. и их причины. С. 101.

²³⁶ Вилинбахов Г. В. Русские знамена XVII в. с изображением единорога // Сообщения ГЭ. 1982. № 47. С. 22; Пчелов Е. В. Изменения государственного герба России в XVI–XVII вв. и их причины. С. 101; Пчелов Е. В. «Лев и единорог» в русской культуре. С. 428–429, 432.

²³⁷ Толстоухова В. Парадное конское убранство и старинные экипажи. М., 1979. С. 2.

²³⁸ Викторова А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 2. С. 499.

²³⁹ Это двусторонняя, не имеющая изнанки шелковая материя, сотканная с применением тонкого пряженого и ленточного золота и/или серебра. Ее исчерпывающую характеристику оставил французский коммерсант и ювелир Ж. Шарден, живший при дворе шаха Аббаса II и Сефи II в 1660-х гг.: «Они называют парчу зарбафом, то есть золотой тканью. Есть простая – сто сортов; двойная, называемая доруи, то есть двусторонняя, потому что у нее нет изнанки; и махмале зарбаф, то есть золотный бархат, – писал он. – Что замечательно в этих прекрасных тканях, это то... что золото и серебро всегда сохраняют свой блеск и цвет и не изменяются, пока существует ткань». К московскому двору зарбаф поставлялся в значительном количестве. См.: Сазонова Н. В. Мир сефевидских тканей XVI–XVII века. М., 2004. С. 61.

²⁴⁰ Пчелов Е. В. Символика воинских регалий московских царей // Власть. 2009. № 2. С. 115.

²⁴¹ Например, простую, на первый взгляд, седельную попонку «отлас золотной, шолк зелен, да ал, да червчат да чорн, шиты звери». См.: Викторова А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 9.

монии усиливало величие царского образа, а символические сюжеты церемониального убранства, насыщенные гербовыми и геральдическими фигурами, наполняли его новым смыслом.

1.2.2. ЦАРСКИЙ «ЗЛАТ СРЕМЕНИ». ОБУВЬ, ШПОРЫ И ЭЛЕМЕНТЫ СЕДЕЛЬНОГО СБОРА

И вступает государь в бранное стремя, и всходит на конь, и по скору поиде к полку своему ко граду²⁴².

Среди предметного ряда, характерного для вещного мира всадника, традиционно выделяются, как имеющие первостепенное значение, вещи из связки обувь – шпоры – стремяна²⁴³. Значимость этого ряда, от которого зависела не только манера верховой езды, а в военных условиях – зачастую и жизнь конного воина, подчеркивалась исследователями многократно.

Обувью русского всадника были прежде всего сапоги²⁴⁴, которые в XVI–XVII вв. бытовали двух типов – с мягкой и жесткой подошвой, в прямой зависимости от чего находилась и форма стремянной подножки – прямой или дугообразной. Более древние сапоги с мягкой подошвой из нескольких слоев тонкой кожи (также известные как ичеготы и чедыги²⁴⁵) были широко распространены до первой половины XIV в.²⁴⁶, встречались до XVII в. включительно. С XIV в. появляется толстая воловья кожа – она послужила для производства обуви с жесткой подошвой²⁴⁷; с ее распространением прекращается изготовление обуви без разделения для правой и левой ноги.

Износостойкость подошвы повышалась набивкой на подметочную часть выпуклых гвоздиков (со второй половины XIV в.), а на пяточную область – подковок²⁴⁸. Подковки набивались и на каблук (не ранее XVI в.), если он предусматривался конструкцией. Подковки, или скобы, крепились двумя способами. Более ранний – врезной способ (крепление на шипах), он использовался в XVI в.; к концу XVII в. появляются набивные подковки (крепление гвоздями); на протяжении почти всего XVII в. оба типа сосуществуют. Практиковался и комбинированный способ крепления; у таких подковок в центре находилось отверстие для гвоздя, а по краям – шипы. Для повседневной обуви гвоздики и подковки были железными, но серебряными – для обуви парадной²⁴⁹.

Каблуки на обуви появляются на Руси в XIV в.; обнаруженные археологами подковки указывают на многообразие их формы²⁵⁰. Рост высоты каблука начинается с первых годов XVII в., повышение отмечается до 6–7 см. Каблуки для сапог всадников были двух типов: наборные

²⁴² Иоанн V // ЧОИДР. 1848. № 9. С. 366.

²⁴³ Шапиро Б. Л. Обувь, шпоры и элементы седельного сбора: материальная культура всадника в Московском государстве XVI–XVII вв. // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. 2017. № 26. С. 189–201.

²⁴⁴ Курбатов А. В. Специальная воинская обувь в средневековой России // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2013. № 1–2 (6–7). С. 34.

²⁴⁵ Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С. 175.

²⁴⁶ Осипов Д. О. Обувь московской земли XII–XVIII вв.: Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М., 2006. С. 45.

²⁴⁷ Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 175; Савваитов П. И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия... СПб., 1896. С. 43.

²⁴⁸ Осипов Д. О. Обувь московской... С. 63; Федоров О. А. Реконструкция облика знатного дворянина на московской службе (первая половина – середина XVI в.) // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. С. 229.

²⁴⁹ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1013; Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860. С. 63; Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. / Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–34. М., 1971. С. 42–43; Осипов Д. О. Обувь московской... С. 75–78.

²⁵⁰ Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. С. 42.

(появились не ранее второй половины – конца XVI в.) и низкие, так называемые внутренние, из нескольких кососрезанных подкладок. В конце XVII в. возникает новый тип каблука в виде деревянной формы, обтянутой кожей²⁵¹.

Материалом для изготовления обуви была самая разнообразная кожа: телячья и конская, юфть, коровий опоек, замша (ирха или ровдуга)²⁵². Наиболее дорогой и престижной была козловая кожа особой выделки – сафьян (хоз). При Алексее Михайловиче была предпринята попытка наладить отечественное сафьянное производство под руководством иранских мастеров (1666)²⁵³. Знали на Руси и китайские сапоги²⁵⁴.

Высококачественные кожи ввозились с Ближнего Востока; современники отмечали, что «персидские [сафьяны] не так хороши, как турецкие; они бывают цвета красного, пурпурового, зеленого, голубого и черного и привозятся в большом количестве в Россию»²⁵⁵. Наиболее дорогими были белые кожи, чуть менее стоили зеленые и пурпуровые, а самыми дешевыми были голубые, красные и желтые. Сравнение цены частично объясняет известный факт, что наибольшей популярностью пользовалась обувь желтого и красного цвета²⁵⁶. «Сапоги они носят красные», – пишет С. Герберштейн²⁵⁷; преобладание красных сапог отмечают путешественник М. Груневег (1585), красных и черных – дипломат Дж. Флетчер (1557–1558) и первый посол Англии в России А. Дженкинсон (1586–1589)²⁵⁸. Изредка встречались вишневые, оранжевые, лазоревые и кирпичные²⁵⁹. В качестве подкладки (поднаряда) для холодной обуви использовалась холстина либо атлас. Теплая обувь подбивалась бобровым мехом²⁶⁰.

Для украшения применялись следующие технологии и приемы (по отдельности и в комбинациях): линование, тиснение, вышивка цветными и золото-серебряными нитями, поддержка кожаными ремешком, декоративные вырезы в верхней части голенищ, декоративные кожаные или металлические накладки задника и каблука и декоративная набивка гвоздиками в виде узора²⁶¹. Украшались все детали: головки, голенища, каблук, который выделялся не только декором, но и цветом. Парадные сапоги имели каблуки, обложенные серебром или обвитые пряденым золотом; их поверхность щедро расшивалась золотом и жемчугом²⁶².

Фасоны менялись согласно моде: в первой трети XVII в. носки головок заостряются и приподнимаются кверху (такая обувь носила название «кривой», именно она была самой престижной и богато украшенной²⁶³), а для XVI в. характерны прямые, более округлые формы.

²⁵¹ Оситов Д. О. Обувь московской... С. 18–19; 54–55.

²⁵² Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни... С. 63; Опись царской казны... С. 130; Савваитов П. И. Описание старинных русских утварей, одежды, оружия... СПб., 1896. С. 43.

²⁵³ Заозерский А. М. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917. С. 152.

²⁵⁴ Книги описные князь Васильевых и сына его князь Алексеевых всяких животов Голицыных на их московском большом и на загородных дворах, что за Никитскими воротами, и привозных // Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. СПб., 1893. Ст. 18.

²⁵⁵ Куриц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 151.

²⁵⁶ Висковатов А. В. Историческое описание... Т. 1. С. 20; Куриц Б. Г. Сочинение Кильбургера... С. 125; Строев П. М. Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 год). М., 1844. С. 99.

²⁵⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 117. Австрийский дипломат и историк Герберштейн был в России дважды – в 1517 г. и в 1526 г. В основу «Записок...» положены материалы второго путешествия.

²⁵⁸ Оситов Д. О. Обувь московской... С. 15.

²⁵⁹ Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. // Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII и в начале XVIII столетия. Труды ГИМ. М., 1928. С. 54; Опись царской казны... С. 129.

²⁶⁰ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1013; Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни... С. 63.

²⁶¹ Оситов Д. О. Обувь московской... С. 37, 64.

²⁶² Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1013; Вишневская И. И. Жемчужное шитье на Руси. М., 2007. С. 18–19.

²⁶³ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1013; Оситов Д. О. Обувь московской... С. 51.

Высота голенища в XVI–XVII вв. находилась в пределах 25–30 см, в отдельных случаях достигала 40 см²⁶⁴; в любом случае, сапоги не доходили до колен. Срез голенища мог быть ровным, косым (спереди сапог был выше, чем сзади) или фигурным.

Среди экипировки всадника также могли быть короткие мягкие полусапожки²⁶⁵ и чоботы²⁶⁶, которые различались высотой голенища или его отсутствием. Короткую обувь носили с ноговицами – чулками из сафьяна или ткани. Ноговицы были «полные», высотой до колен – их подвязывали под коленом ремнем или тесьмой, и «полуполные» – несколько короче²⁶⁷.

Для верховой езды к обуви прикреплялись шпоры, которые на Руси имели название «остроги» или «острожки». В XVI–XVII вв. этот элемент снаряжения использовали весьма умеренно, в основном в полках иноземного строя²⁶⁸. «Хотя все они обуты в сапоги, но во всей стране ты не увидишь пары шпор», – писал о русских всадниках поэт Дж. Турбервилль, бывший в составе английского посольства в России в 1568–1569 гг.²⁶⁹ «Вместо шпор по большей части употребляют кнут», – утверждал посол Священной Римской империи Д. Бухов²⁷⁰, побывавший в Москве в 1576 г. «Плетью пользуются почти все, шпорами же весьма немногие», – вторил ему участник Ливонской войны А. Гваньини²⁷¹.

В России шпоры имели то же культовое значение, что и в Западной Европе, обозначая право и обязанность аристократии воевать в седле²⁷², но культ шпор был несколько менее выражен²⁷³. Так, летом 1490 г. великий князь Иван III пожаловал послу императора Максимилиана Юрию Делатору в знак рыцарского достоинства «цепь золоту со крестом, да шубу атлас с золотом, на горностаях, да остроги серебряны золочены»²⁷⁴.

В качестве символа всаднической и воинской доблести умершего шпоры (иногда только одна шпора) обнаруживаются в славянских могильных захоронениях уже с первых веков нашей эры. У русских шпоры находятся среди погребального инвентаря княжеских захоронений с середины X в.²⁷⁵ Такое захоронение могло включать, например, «дротик, два меча, два копья, пашку или саблю, два ножа, кольчугу, шпору и стремяна»²⁷⁶. Наиболее активное использова-

²⁶⁴ Осипов Д. О. Обувь московской... С. 48.

²⁶⁵ Висковатов А. В. Историческое описание... Т. 1. С. 20; Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 175.

²⁶⁶ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1013–1014.

²⁶⁷ Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. М., 1877. С. 192; Висковатов А. В. Историческое описание... Т. 1. С. 20; Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни... С. 63.

²⁶⁸ Висковатов А. В. Историческое описание... Т. 1. С. 48; Денисова М. М. Конюшенная казна. С. 272.

²⁶⁹ Турбервилль Дж. Послания из России // Горсей Дж. Записки о России. С. 254.

²⁷⁰ Принци Даниил фон Бухау. Начало возвышения Московии. Сочинение Даниила Принца из Бухова, советника августейших императоров Максимилиана II и Рудольфа II и дважды бывшего чрезвычайным послом у Ивана Васильевича Великого князя Московского // ЧОИДР. 1876. № 4. С. 73.

²⁷¹ Гваньини А. Описание Московии. С. 5, 79.

²⁷² Шапиро Б. Л. Смерть и свадьба – сестры, или Еще раз о военно-свадебной моде XVI века // Теория моды: одежда, тело, культура. 2016. № 42. С. 317.

²⁷³ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника... С. 58; Lacy Ch. The history of the spur. London, 1911. P. 4–5.

²⁷⁴ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1014; Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. А–К. СПб., 1893. С. 996. Принимая во внимание, что шуба, покрытая золотой материей, была особой, желанной и статусной наградой с самых ранних времен русской истории, очевидна ценность княжеского подарка. Оба дара, в отдельности обозначая особое достоинство награждаемого, взятые вместе, усиливали символический смысл каждого. См.: Шапиро Б. Л. Русские золотные шубы XVI–XVII вв.: бытование и распространение. С. 135–146.

²⁷⁵ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника... С. 56; Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. С. 100; Петрухин В. Я. Древняя Русь. Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 250; Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. С. 307.

²⁷⁶ Самоквасов Д. Я. Могилы Русской земли. Описание археологических раскопок и собрания древностей // Труды Московского комитета по устройству Черниговского археологического съезда. М., 1908. С. 200.

ние шпор московскими всадниками связывают со Смутным временем или с периодом, предшествующим ему²⁷⁷.

По конструкции шпоры разделялись на два структурных класса: это шпоры колесиковые (колесцовые) с подвижным зубчатым колесиком на держателе (шейке) и жалообразные (репейковые), с утолщением в виде шипа (репейка) разных форм, в том числе и с ограничителем²⁷⁸. Для шпор обоих классов деление на правую и левую сторону пока не практиковалось.

При классификации шпор XVI–XVII вв. по типу крепления к обуви они также разделялись на два больших класса. Шпоры первого класса имели проушины, с помощью которых они крепились подшпорным и надшпорным ремешками (круглого или плоского сечения; ремни могли быть заменены на цепочки) к обуви. Вторые – «прибойные» – прибывались гвоздиками или привинчивались к заднику обуви²⁷⁹, для чего тот укреплялся металлической пяточной пластиной, иногда сложноорнаментированной. Сложность крепления прибойных шпор оправдывала их применение только для латного всадника²⁸⁰, а винтовая нарезка до середины XVIII в. была достаточно сложной в работе, что обусловило гораздо более редкое использование шпор второго класса в целом.

В позднесредневековой России шпоры входили в комплект так называемых полных, или кирасных, лат (полный комплект составляли собственно латы, кирасные шапки, нарамки, наколенники, рукавицы и сапоги со шпорами), «каковы носят конные люди»²⁸¹. Таких комплектов в царской казне имелось всего десять, включая полный доспех (здесь доспех – обобщающее название для корпусной брони), который прислал царю Федору Иоанновичу польский король Стефан Баторий в 1584 г.²⁸², два доспеха, принадлежавшие князю и И. А. Воротынскому, доспех Н. И. Романова и доспех, принадлежавший детям царя Алексея Михайловича²⁸³.

В таком варианте прибойные шпоры крепились к железным «сапогам», т. е. к поножам. Такие «сапоги полного доспеха XVI в. состоят из поножи о двух половинках, соединенных петлей и двумя шпеньками, проходящими сквозь две скважины, на верхнем обресе передней части поножей укреплены по два шпенька, на нижнем краю по два гвоздя, далее три чешуйки; плюсна состоит из одной большой и двух малых чешуек, ступня состоит из пяти чешуек, к задним частям поножей прикреплены три чешуйки и пятка, на пятках шпоры, которые судя по работе, должно быть прикреплены были в позднейшее время, пятка соединяется с плюсной петлями и скрепляется шпеньками, проходящими сквозь скважины, на сапогах заметны следы резного узора, расположенного по краям сапогов каймой и широкой, полоской, проходившей сверху до низу, и делившей каждую половину поножи на две равных части... Весу в сапогах двенадцать фунтов, семьдесят шесть золотников»²⁸⁴. Шпоры к таким сапогам также были тяжелыми и массивными.

Наличие шпор позволяло относительно свободно передвигаться не только конному, но и спешившемуся воину. Сказанное справедливо для большинства типов шпор, исключая произведенные в конце XV в. – первой половине XVI в. образцы с длинной, сильно изогнутой вниз шейкой и колесцом, увеличенным до 15 см и более. К XVII в. шейка приобретает более рез-

²⁷⁷ Двореченский О. В. Колесцовые шпоры, происходящие с территории Русских княжеств и Московского государства второй половины XIII–XVII вв. // Военная археология. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2018. С. 135.

²⁷⁸ Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. С. 40.

²⁷⁹ Савваитов П. И. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия... СПб., 1896. С. 94; *Lacy Ch. The history of the spur.* P. 64.

²⁸⁰ Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб., 1995. С. 171.

²⁸¹ Древности Российского государства. Отд. III. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. М., 1853. С. 35–36.

²⁸² «В лето 7092 июня 22 дня посол короля Стефана Батория Лев Сапега в дарех поднес збрую позлатистую римскую на коня и человека». Цит. по: *Арендт В. В.* Конный доспех из собрания Оружейной палаты (публикация и комментарии А. Ю. Прокопьева и Ю. Ф. Игиной) // Средние века. 2013. № 74 (3–4). С. 21.

²⁸³ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 2. Броня. М., 1884. С. 175–189.

²⁸⁴ Там же. С. 246.

кий изгиб, а колесо уменьшается в размерах в два раза. Появляется новый вид колесиковой шпоры «со звоном»²⁸⁵; согласно другим данным, этот предмет возрождается из древности²⁸⁶.

Шпоры XVII в. испытывают влияние европейских традиций²⁸⁷. Как особенность именно московского снаряжения XVII в. отмечаются шпоры с двумя или тремя колесцами²⁸⁸. Форма колесца менялась согласно моде и могла представлять собой розу (колесо французского типа) или звездочку (колесо испанского типа). Периодически в моду входили немецкие или польские шпоры с фантазийным колесцом, лепестки которого образовывали сложный узор²⁸⁹; они появились в XIV в. и были популярны минимум четыре столетия.

Художественное оформление шпоры соответствовало пышным одеждам русского позднесредневекового двора. Парадные шпоры покрывались серебрением, позолотой и эмалью, орнаментировались гравировкой, набивной (поверхностной) таушировкой²⁹⁰, инкрустацией (врезной таушировкой). Шейки, репейки и колесцы фигурно отковывались²⁹¹. Иногда шпоры для статусных потребителей изготавливались из чистого серебра²⁹².

Представляют особый интерес шпоры, интегрированные в стремя, что было характерно для восточных культур²⁹³. На сегодня свидетельств об их бытовании в Московии XVI–XVII вв. нет. Возможно, именно такими были стремяна из Бутурлинской описи «серебряные белые, на них по четыре репейка золоченых»²⁹⁴, однако стоит учесть, что в исследуемое время репейками назывались не только шиповидные шпоры, но и прочие шипы, и зубчатые касты для драгоценных камней, и даже узоры с зубчиками²⁹⁵. И все же можно предположить, что русские стремяна, по турецкой традиции, служили частичной заменой шпорам, для чего всадник давил на бока лошади боковыми ступицами стремени.

Стремяна находились во взаимосвязи с типом обуви. Различались стремяна для мягкой обуви со скругленным подножием и для обуви с жесткой подошвой с прямым подножием²⁹⁶. К XVI–XVII вв. в царском кругу отмечается преобладание стремян для жесткой обуви восточного, западноевропейского и отечественного производства. Стремяна «на русское дело» были двух основных форм: первые, с узкой дужкой и круглой подножной пластиной, и вторые, в виде неширокой арки, суживающейся кверху, на прямоугольном основании. Изготавливались они из серебра, меди или железа²⁹⁷. И боковые дужки, и подножия парадных стремян покрывались золоченым серебром и декорировались золотой и серебряной таушировкой «нарезными травами»²⁹⁸, чернью, финифтью, сканью, канфарением, чеканным и прорезным орнаментом²⁹⁹. Простые стремяна могли быть гладкими без декора, но характерная для русских изделий форма

²⁸⁵ *Lacy Ch.* The history of the spur. P. 47, 49, 50, 54.

²⁸⁶ *Бехайм В.* Энциклопедия оружия. С. 172.

²⁸⁷ *Двуреченский О. В.* Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории тушинского лагеря // Военная археология. М., 2008. С. 272.

²⁸⁸ *Бехайм В.* Энциклопедия оружия. С. 173; *Викторов А. Е.* Описание записных книг и бумаг... Вып. 2. М., 1883. С. 498.

²⁸⁹ *Lacy Ch.* The history of the spur. P. 37–38.

²⁹⁰ *Мишуков Ф. Я.* Золотая насечка и инкрустация на древнем вооружении // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 118–120.

²⁹¹ *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника... С. 63.

²⁹² *Срезневский И. И.* Материалы для словаря... Т. 1. А–К. С. 996; *Бехайм В.* Энциклопедия оружия. С. 162.

²⁹³ *Lacy Ch.* The history of the spur. P. 6–7.

²⁹⁴ *Викторов А. Е.* Описание записных книг и бумаг... Вып. 2. С. 499.

²⁹⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22 (Раскидаться – Рященко) / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 1997. С. 144–145.

²⁹⁶ *Никитин А. В.* Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. С. 40.

²⁹⁷ *Савваитов П. И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия... СПб., 1896. С. 5–6, 131.

²⁹⁸ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 9.

²⁹⁹ *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 55, 205; *Савваитов П. И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия... СПб., 1896. С. 131.

сохранялась. Царские стремена имели гравировку в виде двуглавого орла, которая располагалась в центре круглого подножия³⁰⁰. Немногочисленными цветовыми акцентами были драгоценные камни в заполах и кастах.

При сборе седла стремились соблюдать эстетическую цельность, выбирая стремена «одного дела с оправою на луках»³⁰¹, художественная отделка которых соответствовала отделке седла, но случалось и так, что к русскому седлу привешивались турецкие стремена³⁰². Бытовала практика копирования русскими мастерами элементов восточного конского убранства («на турское дело», «на кизылбашское дело» и т. п.). В таких работах восточные традиции не повторялись буквально, а перерабатывались согласно местному пониманию прекрасного.

Зарубежное снаряжение поступало ко двору как свидетельства дипломатических и торговых отношений с иностранными государствами. Имелись такие привозные вещи и у ближайшего царского окружения³⁰³.

Турецкие (турские) стремена в форме колокола с очень широким подножием отличались яркими красками и крупным орнаментом. Обычно они изготавливались из железа и обивались с наружной стороны золотыми или позолоченными серебряными пластинами с заполами в виде плодов и цветов граната и цветов гвоздики³⁰⁴. Декором служили многочисленные драгоценные и полудрагоценные камни: яшма, рубины, изумруды, бирюза и жемчуг. Как и русские стремена, они украшались эмалью, чеканкой, а также серебряными и золотыми узорами, наведенными по железу.

Изнутри турецкие стремена выстилались ценными тканями – бархатом или алтабасом³⁰⁵. Среди бытовавших при московском дворе тканей алтабас занимал второе место по дороговизне (после аксамита; оба открывали описи текстиля в царской казне, что демонстрировало их ценность). Для изготовления алтабаса применялось всего два материала: высококачественный шелк и тончайшие нити волоченого золота; золото плотно покрывало поверхность ткани, которая получала вид кованого металла³⁰⁶. Иногда стремена обтягивались драгоценной тканью и снаружи; они дополнительно расшивались пряденым золотом и жемчугом.

Иранское парадное конское убранство (в том числе и стремена) XVI–XVII вв. считалось наилучшим по сочетанию тонкого художественного вкуса и блестящей техники исполнения. Как и в прочих изделиях, поступавших с Востока, здесь широко применялись драгоценные и полудрагоценные камни, цветные стекла и жемчуг, которые окружались насечкой, чеканкой (в том числе с проработкой канфарением) и гравировкой. Форма иранских стремян была близка турецким; основа выполнялась из железа, которая обкладывалась серебром и позолоченным серебром. Рисунок узора (цветы, бутоны и листья) образовывался сочетанием крупных камней в кастах и фона из мелких камней, стекол и половинок жемчуга³⁰⁷.

³⁰⁰ Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 206–207; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 16.

³⁰¹ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 9.

³⁰² Денисова М. М. Конюшенная казна. С. 283. Нужно учесть, что для русских седельных мастеров XVI–XVII вв. характерно смешение восточной и западной традиции. См.: Денисова М. М. Седло конца XVI века // Оружейная палата. М.: Изд. Оружейной палаты, 1925. С. 128.

³⁰³ Так, у В. В. Голицына имелись седла гусарское и немецкое, арчаки черкасский, калмыцкий и турецкий «луки высокие», арабские и черкасские удила, бухарские пахви, турецкие и немецкие подковы, турецкий конский покров, «длинные» греческие стремена. См.: Шапиро Б. Л. Московский всадник в конце XVII столетия (по описям имущества В. В. Голицына 1679 и 1689 гг.) // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия) / ИА РАН, ИРИ РАН. Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М., 2019. С. 234–235.

³⁰⁴ Денисова М. М. Конюшенная казна. С. 283–284.

³⁰⁵ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. С. 5, 10.

³⁰⁶ Шапиро Б. Л. Золото и золотные ткани в древнерусской мужской одежде // Вестник ТвГУ. История. 2018. № 1. С. 76.

³⁰⁷ Опись царской казны... С. 101; Вишневская И. И. Группа предметов парадного конского убранства иранской работы XVI–XVII веков из собрания музеев Кремля // Московский Кремль. Материалы и исследования. Вып. 5. Новые атрибуции.

Китайские стремена по стилю оформления резко отличаются как от европейских, так и от ближневосточных аналогов. Форма китайских стремян – арка с узкими дужками и массивным круглым подножием. Стремена декорировались изображениями драконов и змей в окружении цветов; декор выполнялся резьбой по золоченой бронзе, сине-голубой перегородчатой эмалью и инкрустацией перламутром³⁰⁸. Также среди восточного конского убранства и снаряжения московского всадника в незначительном количестве использовались вещи кавказские, крымские и бухарские.

Известное европейское снаряжение состояло из работ польских, немецких и английских мастеров. Наиболее многочисленные и наиболее ранние вещи – польские (известны при московском дворе с 1556 г.). Конское убранство и снаряжение всадника здесь украшалось позолотой, гравировкой, чеканкой и зернью. Посольства 1600 г. и 1686 г. принесли царской Конюшенной казне гусарское снаряжение³⁰⁹.

Стоит отметить, что стремена, как и шпоры, в русской культуре были символами всадника и воина. Так, еще в ранней русской истории князь, отправляясь в поход, «ступал в злат стремя», садясь в «золотое» седло³¹⁰. Золото здесь нужно понимать не только буквально, не только как драгоценный металл, украшавший царский быт. Этот металл, с древности служивший символом славы и эквивалентом власти, в глазах современников ярче прочих выражал сакральные основания царской власти. Так царские дары, как символический жест высшей милости помазанника Божьего, содержали в себе золотые элементы в посуде, утвари и убранстве, в тканях и одежде.

В целом парадное снаряжение и конское убранство при русском царском дворе было весьма разнообразно по орнаментации и технике обработки. Несмотря на относительные конструктивные и декоративные различия среди широкого предметного ряда восточного и европейского происхождения, все оно носило ярко выраженный репрезентативный характер. Роскошные атрибуты всадника, выполненные из драгоценного металла, стали одной из самых ярких составляющих русской придворной вещной культуры.

Даже для царя такое снаряжение было прежде всего парадным. «Златы стремена» задествовали по самым торжественным, исключительным случаям; они были элементами самого ценного убранства верхового царского коня. Вот как выглядел парадный царский верховой выезд: «царь, в самой лучшей одежде, сидел на своей лучшей лошади. Некоторые лошади были накрыты попонами из золотой парчи, другие – из серебряной, у третьих попоны были расшиты камнями, жемчугом и бриллиантами; стремена из серебра или великолепно позолочены, узды и сбруя из кованого позолоченного серебра, цепи со звеньями, размером больше пяди и шириной 2–3 дюйма, свисали с головы и шеи лошади, седла да и сами лошади были не менее великолепны»³¹¹. Процессия выглядела более чем внушительно, о чем сохранились свидетельства современников; «все окружавшее монарха пространство было как бы пропитано его могущественной сакральной силой. Поэтому маркировавшие ее золотные ткани покрывали землю, по которой ступал государь, кресла, на которых он сидел, лошадей, на которых ездил»³¹².

Очевидно, что золотое или позолоченное снаряжение имело в вещном мире московского всадника особый статус: оно выступало определенным визуальным кодом, указывающим на

М., 1987. С. 95, 98, 102.

³⁰⁸ Вельтман А. Ф. Московская Оружейная палата. М., 1860. С. 245.

³⁰⁹ Денисова М. М. Конюшенная казна. С. 290–291; Загородняя И. А. Дипломатические дары из Литвы и Речи Посполитой. С. 165.

³¹⁰ Михайлова И. Б. «И здесь сошлись все царства...»: очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб., 2010. С. 151.

³¹¹ Витсен Н. Путешествие в Московию. 1664–1665. С. 152.

³¹² Михайлова И. Б. «Солнечная» мода Грозного – царя: золотные ткани в Московской Руси XVI–XVII веков // Теория моды: одежда, тело, культура. 2017. № 44. С. 63–98.

имущественное положение и статус личности. Такое снаряжение было драгоценным не только в прямом, но и в переносном смысле, поскольку оно одновременно служило олицетворением богатства, воинской доблести и свидетельством близости к царской власти.

1.2.3. ЕЗДОВОЙ КОСТЮМ В СИСТЕМЕ КОННОЙ КУЛЬТУРЫ. ТЕРЛИК И ТЕГИЛЯЙ. ОДЕЖДА ВОИНСКАЯ И ПРИДВОРНАЯ

Одежда – один из самых ярких элементов в системе вещных атрибутов царской власти, сложившейся в русской средневековой культуре³¹³. «В отношении выбора нарядов цари не были равнодушны к той мысли, чтобы показаться народу в царственном достоинстве, богато и красиво, а красота, по тогдашним понятиям, заключалась в цветности платья, в блеске серебра и золота, жемчуга, дорогих камней, – отмечал И. Е. Забелин, – поэтому при выходах и выездах за город, т. е. за Земляной вал или дальше, государь всегда одевался в так называемое ездовое платье, самое богатое после наряда Большой Казны или собственно царского наряда»³¹⁴. Именно одежды для царских выездов (ездовые одежды) являли собой наиболее презентабельные формы мужского костюма³¹⁵.

Понимание важности и признание особого статуса всадника произошло в середине XVI в.³¹⁶, когда пеший царский выход уступил место конному выезду. В XVII в. преимущество царского верхового выезда перед пешим шествием закрепилось. Торжественные конные процессии стали одними из самых грандиозных зрелищ этого времени. «Мы ждали увидеть что-нибудь необыкновенное, и не обманулись», – сообщал А. Лизек, очевидец царского Троицкого поезда 1675 г.³¹⁷

Итак, наиболее эффектный и выразительный образ сильного мира сего представлялся конным, а подходящий костюм помогал завершить этот образ. Перечень мужских ездовых одежд XVI–XVII вв. довольно обширный. Они различались по множеству признаков: назначению, покрою, типу материи, количеству декора. Современники разделяли одежду на исподнюю, среднюю и верхнюю, летнюю и зимнюю, теплую и холодную, светлую и черную и т. д.

Царские ездовые одежды состояли из нарядов, т. е. комплектов, или костюмных комплексов. Одежды, входившие в «наряд», составляли полный костюм; судя по имеющимся описям, русские цари располагали сотнями комплектов одежды. Кроме того, царский гардероб содержал «занаряды», под которыми, вероятно, понимались отдельные некомплектные вещи.

Далее одежды разделялись сообразно сезону и колориту; так, в Описях царской казны указываются «государевы летние ездовые занаряды» и «государевы зимние ездовые занаряды», а среди них выделяются «занаряды светлые» и «занаряды черные». Последние также носили название «смирные» и «панахидные», поскольку предназначались, соответственно, для ноше-

³¹³ Шапиро Б. Л. «Терлики деланы к государской радости...»: мужская ездовая одежда в Московии XVI–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1 (71). С. 36–39.

³¹⁴ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1028.

³¹⁵ Петр I отмечал, что его предки «лошадей и платье любили пуще протчего». См.: Бегунова А. И. «Лошадей и платье любили пуще протчего» // Коневодство и конный спорт. 1993. № 5–6. С. 28.

³¹⁶ Михайлова И. Б. «И здесь сошлись все царства...» С. 477.

³¹⁷ Лизек А. Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского... С. 364. В Европе этого времени также утверждали, что «самая лестная похвала в адрес государя – это сказать, что он хороший наездник: эти слова означали и его доблесть, и его отвагу», а «в умении управлять конем видели способность властвовать» (по словам конюшего при испанском дворе Б. да Варгоса, современника Людовика XIV.). См.: Ракова А. Л. «Le miroir héroïque de la Noblesse» («Героическое зеркало дворянства») // «Полцарства за коня...» С. 110.

ния во время длительного траура и панихид (поминок). Многообразие «черных» ездовых одежд соответствовало многообразию одежд «светлых»³¹⁸.

Основу царского ездового костюмного комплекса на начало XVI столетия составляли терлик и тегилай; оба представляли вариации кафтана³¹⁹.

Терлик известен с XV в., когда он встречается в документах дважды. Первое упоминание мы встречаем в Никоновской летописи под 1412 г., когда князь В. М. Кашинский «преже всех погна на кони в одном терлике»³²⁰. В это время терлик представляет собой узкий длинный кафтан, еще не имеющий самостоятельного значения, на что и указывает летописное свидетельство. Второй раз он появляется в духовной грамоте князя верейского и белозерского Михаила Андреевича, составленной около 1486 г. Согласно грамоте, зятю князя, О. А. Дорогобужскому, отошло весьма ценное имущество: икона и цепь из золота, аксамитная и соболья шубы и прочее; в числе богатого наследства был и терлик «камка голуба с пугвицами»³²¹.

Как и другие верховые одежды этого времени, терлик попал в Московию с Востока, где этим словом обозначали халат, верхнюю одежду, или одежду с короткими рукавами, открытую спереди³²². Терлик XVI в., как и ранее, узкий и длинный, доходящий до стопы. В последний раз одежды такого типа мы видим на рынках, сопровождающих участников обручения Дмитрия Самозванца с Мариной Мнишек в 1606 г.³²³

Позднее, в первый же год правления царя Михаила Федоровича, когда на должность государевой стражи заступили юные боярские дети, терлик стал намного короче. В августе 1613 г. были закуплены материалы для изготовления одежд по новой моде: «Шапки песцовые белые, камка белая на кафтаны, серебро волоченное на нашивки к кафтанам и на завязки и кисти к завязкам к фerezям, белая мешина на сапоги, горностайная опушка на терлики, кошачьи исподы под песцовые шапки, 4 меха заячьи под кафтаны, камка белая немецкая на терлики, шелк белый на завязки к рындиным фerezям»³²⁴. В итоге «платье рындово» представляло собой следующий комплекс (из расчета на четверых³²⁵, по Описи царской казны 1640 г.):

1) терлики: «4 терлика камчаты белыя, камка индейская... исподы черева песцовы белыя, опушка кругом и ожерелья горностайные, на терлике по пяти гнезд, нашивки с кистми серебро с белым шолком»; «4 терлика отлас гвоздичной, подкладки киндячные, опушка поверх отласу около ожерелья собольи, нашивка по пяти гнезд шолк вишневы, а на иных гвоздичен»; «4 терлика на зайцах комчатые белые», последние упомянуты дважды;

2) кушаки: «4 кушака кизылбашских полосы золоты с шелки розных цветов, 4 кушака кизылбашских полушолковых полосатых, 4 кушака тафтяных вишневы, четыре кушака тафтяных гвоздичных»;

³¹⁸ Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 2–3, 201. Экипажи, лошади и конское снаряжение, предназначенные для траура, также были черными. См.: *Алентский П.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в середине XVII. Т. 3. Москва. М., 1898. С. 35. «Ввиду траура их повезли на черных лошадях», – сообщил Олеарий подробности аудиенции на другой день после смерти царевича Ивана Михайловича. См.: *Олеарий А.* Описание путешествия... С. 446.

³¹⁹ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1042; *Рабинович М. Г.* Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 72.

³²⁰ Цит. по: *Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 1. Материальная культура. Одежда.* М., 1969. С. 289.

³²¹ *Базилевич К. В.* Имущество московских князей в XIV–XVI веках // Труды ГИМ. Вып. 3. М., 1926. С. 29; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 312.

³²² *Базилевич К. В.* Имущество московских князей в XIV–XVI веках. С. 29; *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1005.

³²³ *Жабрева А. Э.* Боярский и дворянский костюм XVII века как феномен русской культуры // Вече: Альманах русской философии и культуры. Вып. 4. СПб., 1995. С. 156.

³²⁴ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1003.

³²⁵ Количество рынд в страже могло составлять 2, 4 или 6 человек, в зависимости от статуса мероприятия. См.: *Котошилин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. С. 75–76; *Семенов И. Н.* Российский дипломатический протокол: история и современность. М., 2011. С. 113.

3) шапки: «4 шапки рысьих, 4 шапки песцовых белых»;

4) сапоги: «трои сапоги сафьянные черные», «четверы сапоги лазоревые сафьянные» и «десетеры сапоги сафьянные белые», последние упомянуты дважды;

5) шубы: «4 шубы горностаинья под камкою под белою под куфтерем, опушены горностаими ж. У шубы по осии завязок с кистми серебро з белым шолком»; «4 шубы на горностаех»; «4 шубы пупики саболы под черным отласом, около по краем и на рукавах опушка соболя ж, у шубы по осми завязок шолк черн с кистьми»; «4 верха отласных гвоздичной цвет а шиты были по государеву указу на рынды шубы»³²⁶.

Терлик XVII в., кроме несколько большего объема и новой длины, приобрел и иной покрой: он стал отрезным в талии, со сборами на юбке и с рукавами особого узнаваемого силуэта – баллонообразными у оката с сужением к кисти. «Платье рындыво» на основе терлика обзавелось еще и особым нагрудником-клапаном. Такое платье дополнялось опушкой из белого горностаия по полам и по подолу. «Холодные» летние рындывы терлики, атласные на киндячной подкладке, тоже окаймлялись горностаем³²⁷.

В качестве царского наряда в это время терлик выходит из моды, переместившись в область придворной униформы. Терлики и одежды на основе терлика носили не только царские телохранители, но и другие государевы слуги – сокольничьи, ухабничьи, возничьи, а также царская «конная гвардия» – жильцы. Все те, чьим служилым платьем были терлики и одежды на основе терлика – белые, гвоздичные, вишневые, малиновые, – объединялись в понятие «терлишники»³²⁸; это были люди знатных родов. Так, чашник и князь А. В. Лобанов-Ростовский, один из тех, кто подписал грамоту об избрании Романовых в 1613 г., получил щедрые царские подарки, в том числе «бархатный терлик на соболях, с нашивкой из пряденного золота»³²⁹.

До наших дней сохранились пять кафтанов типа терлика, одинаковых по крою, ткани и отделке. В описи Оружейной палаты они названы сокольничьими³³⁰. Известны (только по письменным источникам) и другие серии одинаковых терликов. Пятнадцать терликов «с ожерельи саболыми, полы и зады подложены по пояс, рукова и окола все опушены саболми ж... деланы к государьской радости»³³¹ фигурируют в Описи царской казны 1640 г. Они, вероятно, при-

³²⁶ Опись царской казны... С. 83–84. В средневековой России «кызылбашскими» могли обозначаться все иранские ткани и ткани, что провозились через Иран, или ткани сопредельных Ширвана и Гиляна. Гилянские и ширванские камка, атлас, бархат и тафта провозились уже через астраханский и казанский рынки; не такие изысканные, как иранские, но довольно высокого качества, они были хорошо известны при московском дворе. Поставки золотных тканей ко двору увеличились после военных походов Ивана IV, открывших широкие возможности для торговли с Ираном, Шемахой и Бухарой. См.: Шапиро Б. Л. Золото и золотные ткани... С. 71.

³²⁷ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1005.

³²⁸ Левинсон-Нечаева М. Н. Одежда и ткани XVI–XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сб. научных работ. М., 1954. С. 316.

³²⁹ Белокуров С. А. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1906. С. 78; Молева Н. М. Земли московской давние преданья. М., 1985. С. 76.

³³⁰ «Кафтаны ездových или сокольничьих, пять, малинового бархата, одинаковых, шитых по одной форме. Лиф по талии, с внутренним поясом, юбка на мелких сборах; полукруглый, невысокий ворот и края обшлагов с прибавочным к ним городком могли быть и откидными. С двух сторон, а именно на груди и на спине, наложено по выпукло вышитому золотом и шелками двуглавному орлу, под тремя коронами и с московским гербом. Часть лифа от груди закидывается на бок к вороту и под левое плечо большим клапаном с застежкой так, что перед и зад представляются совершенно одинаковыми. Пристегивается этот клапан вверх и вниз на боку большими крючками на шелковые петли, крючками же застегивается под клапаном и вся грудь до юбки. Рукава, от плеч до локтей широкие, на сборах или складках, или буфах, от локтей к запястью суживаются и заканчиваются разрезом с крючками с задней стороны и прибавкой в виде городка с передней. В подоле с боков также два коротких разреза. Как по этим разрезам, так и по всем краям кафтаны обшиты золотой тесьмой. Полы, спереди, как отороченные указанным выше золотым шнуром, по-видимому, не накладывались одна на другую; нет здесь для того и застежек. Подолы опушены довольно широкой каймой золотистого плюша. Кафтаны подложены желтого цвета киндяком или холстиной, полы, ворот и обшлага, малиновой камкой с мелкими золотистыми цветами». См.: Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 2. Кн. 3. Посуда раковинная, костяная, каменная, кокосовая и проч. Древняя домашняя утварь. Мебель и одежда. М., 1884. С. 202–203.

³³¹ Опись царской казны... С. 83.

надлежали царским возничьим или ухабничьим, так как перечисляются в одном ряду с конским убранством. Эта нарядная одежда может рассматриваться как первая униформа дворцового персонала³³²: несомненно, пышно одетая свита способствовала торжественности выезда, а вышитая золотом на одежде государственная символика обозначала принадлежность ее носителей к царской власти.

Известно, что эффект, произведенный царским сопровождением, напрямую связывали с численностью этого сопровождения, вследствие чего «теснота людская»³³³ вокруг царской персоны со временем только увеличивалась в размерах. В 1549 г., при походе на Казань, личную свиту царя составляли 49 человек³³⁴; в 1563 г. «за государем ездити» и «быти всегда... при государе безотступно»³³⁵ было назначено 53 человека, а в том же году при походе на Полоцк – 92 человека³³⁶. Однако есть неофициальные свидетельства о сопровождении Ивана IV в 1564 г. свитой в 800 человек. Из них в униформу – горлатные шапки из белого бархата с жемчугом и серебром, опушенные большим рысьим мехом, одежды из серебристой ткани, с большими серебряными пуговицами, подбитые горностаями, и белые сапоги с подковами – были одеты четверо ближайших к царю телохранителей³³⁷. Создание в последующие годы «конной гвардии» опричников позволило увеличить эту цифру сначала до тысячи, а потом и до 6 тысяч человек, что ясно выражало стремление придать максимально возможный блеск и значение не только монарху, но и пространству вокруг него.

Английский посланник приор Джерио рассказал о выезде Ивана IV, свидетелем которого ему довелось побывать. Процессия состояла из трех тысяч стрельцов («*trè mila Archibugieri*»), за которыми ехал шут верхом на быке и следом еще один в золотых одеждах («*poi seguitava il Suo buffone a cavallo à un bove, et un altro vestito di oro*»), после которых следовал сам государь; выезд завершался группой из чуть менее чем четырех тысяч верховых опричников («*circa quattro mila cavalla*»)³³⁸.

О ездовой одежде шутов этого царского поезда, как и других выездов XVI в., ничего не известно. Имеются свидетельства более поздние. Согласно Расходным кроильным книгам платья и церковным облачениям за 1621–1622 гг., «карле Ваське Григорьеву скроен кафтан ездной в сукне в аглинском в зеленом (по Расходной книге товарам № 207 – в червчатом сукне)... Да нашивка... шолк зелен с полузолотьем... да на подпушку... киндяку зеленого»³³⁹. Одежды для этой категории «государевых слуг» изготавливались из простой материи и декорировались по тому же принципу «полузолотьем», то есть мишурой, «муширной» отделкой из золоченой меди³⁴⁰.

³³² Амелехина С. А., Бобровницкая И. А., Моришкова Е. А. Венчания на царство и коронации в Московском Кремле. Т. 1. М., 2013. С. 130–131; Левинсон-Нечаева М. Н. Одежда и ткани XVI–XVII веков. С. 314; Летин С. А., Вилинбахов Г. В. Российская императорская гвардия. СПб., 2005. С. 17–18.

³³³ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 437.

³³⁴ Личную свиту царя составляли: 7 бояр, 3 дворецких (Московский, Рязанский, Дмитровский), 1 конюший, 2 окольных, 1 оружничий, 2 дворцовых воеводы, 1 казначей, 1 постельничий, 1 печатник, 3 дьяка, 6 рынд, 9 поддатней, 1 ясельничий и 10 детей боярских у коня. См.: Бартнев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 2. С. 217.

³³⁵ Записка о Царском дворе, церковном чинопочинании, придворных чинах, Приказах, войске, городах и проч. // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2 (1598–1613). СПб., 1841. С. 422.

³³⁶ Бартнев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 2. С. 217; Михайлова И. Б. «И здесь сошлись все царства...» С. 378.

³³⁷ Барберини Р. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. С. 27.

³³⁸ Донесение Венецианскому Дожу от посланного из Венеции английского приора Джерио о приеме польским послом у Царя Московского и набега Татар на его земли. 1570 // Тургенев А. И. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек. Т. 1. СПб., 1841. С. 214.

³³⁹ Викторев А. Е. Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 144–145.

³⁴⁰ Шапиро Б. Л. Золото-серебряный декор одежды в XIII–XVIII вв. // Вестник ТвГУ. История. 2015. № 4. С. 61–62.

Что касается бытования в этой среде специальных верховых одежд, то, судя по имеющимся материалам³⁴¹, «ездной» или «проезжий»³⁴² кафтан для карлика был изготовлен только единожды. Кроме того, в Расходных книгах упоминаются «немецкие кафтаны на карл»³⁴³; учитывая, что ездые вещи изредка назывались немецкими³⁴⁴, можно причислить и их к этой категории.

Поскольку известного образца ездового кафтана такого типа, судя по всему, не было выработано, можно предположить, что «кафтан ездной» Григорьева представлял собой терлик, конструктивно приближенный к полноразмерным одеждам, что позволяло визуальнo обозначить право шута на присутствие в царской кавалькаде. Эта версия косвенно подтверждается документальными свидетельствами об изготовлении царским карлам единообразных одежд³⁴⁵. Кроме того, известно, что в 1680 г. придворные шуты участвовали в Троицком походе наравне с прочими всадниками. Они ехали в бархатных кафтанах, среди четырех сотен конных стрельцов в алых кафтанах с золотыми и серебряными нашивками, и двадцати человек Конюшенного приказа; последние следовали около государя в объяринных золотных и серебряных и объяринных гладких терликах³⁴⁶.

Интересно, что свита, одетая в терлики, согласно придворной моде, сопровождала и лиц, не имеющих царского сана. «Два терлика людских, сукно коришневое, на собольих лапах, переды опушены огонками, по вороту по шти гнезд нашивки золотной длинной, пугвицы обшивныя, а в рукавах испод белей черевей, поношены» и «два ж терлика, ветхи, сукно красное, на лисьих лапах, по вороту на одном 14 гнезд, нашивки золото с серебром, длинной, пугвицы обшиты; а на другом терлике 12 гнезд, по передам опушен огонками, на прорезах у обоих нашивки такие ж по гнезду» отмечены в описи имущества князей Голицыных³⁴⁷. В «пожитках» конюшего и ближнего боярина Б. Ф. Годунова, согласно описи 1588 г., отмечены три «людских» терлика: один из бархата и два из сукна³⁴⁸.

Возвращаясь к конструктивным особенностям терлика, выделим среди одежд XVI в. «терлик безрукав»³⁴⁹, сходный назначением с европейским камзолом. У такого терлика, так же как и у камзола, могли подшиваться временные рукава, в том числе и из другой материи³⁵⁰. Один такой «терлик без рукав с спорка Царевичевской Иванова, камка кизылбашская на голуби розные шолки мужики и птицы» принадлежал Ивану IV³⁵¹.

³⁴¹ *Забелин И. Е.* Записки касательно дураков, уродивых и др. // *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 2. М., 1915. С. 651–658; *Забелин И. Е.* [Записки касательно] верховых нищих, карл, арапов, псарей и др. // *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей... Т. 1. Ч. 2. М., 1915. С. 667–686.

³⁴² Там же. С. 673.

³⁴³ Там же. С. 684.

³⁴⁴ *Викторов А. Е.* Описание записных книг и бумаг... Вып. 1. С. 199.

³⁴⁵ *Левинсон-Нечаева М. Н.* Одежда и ткани XVI–XVII веков. С. 314.

³⁴⁶ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1006; *Левинсон-Нечаева М. Н.* Одежда и ткани XVI–XVII веков. С. 314.

³⁴⁷ Книги описные князь Васильевых и сына его князь Алексеевых всяких животов Голицыных на их московском большом и на загородных дворах, что за Никитскими воротами, и привозных // Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. Стб. 61–62.

³⁴⁸ Платье, оружие, ратный доспех и конский прибор царя Бориса Федоровича Годунова 1589 года // *Савваитов П. И.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты. СПб., 1865. С. 47; «Пожитки» Бориса Федоровича Годунова // *Бартеев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 2. С. 266.

³⁴⁹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 161.

³⁵⁰ *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни... С. 66.

³⁵¹ Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича, по спискам и книгам 90 и 91 годов // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. 1850. № 7. С. 16. Сложносюжетные композиции, где отсутствуют границы перехода одной сцены в другую, составляют славу иранского текстиля. Их реалистические рисунки с детальной проработкой не скрывают связи с иранскими школами миниатюры, тебризской и исфаханской. Чаще всего ткани вольно иллюстрируют литературные сюжеты. Встречаются сюжеты жанровые и бытовые. В русской средневековой письменности великоле-

В это же время встречаются упоминания о терликах, простеганных полностью или частично. Так, «терлик отласен багров плечи стеганы» и «терлик камка зелена стеган» упоминаются в духовной Г. Д. Русинова (1521–1522). «Терлик хандрячен стеган» упоминается в числе воинского снаряжения в духовной З. Ф. Катунина (1519)³⁵², а «терлик хандрячен стеган в частую стеж» стал частью богатого вклада И. М. Вороного в Троице-Сергиев монастырь (1541). «Терлик камка голуба, стеган» числится в составе вклада в этот же монастырь, сделанного князем Дмитрием Пронским (1517); и здесь терлик соседствует с другими ценными вещами, например с дымчатой атласной шубой на соболях³⁵³. Ногайские мурзы включили «терлик стеган»³⁵⁴ в список запросных поминков, которые им следовало получить от московского государя (1534); здесь стеганный терлик однозначно рассматривается как статусная одежда и противопоставляется прежним «мельким» подаркам.

Область бытования терлика была широка, о чем свидетельствует значительный разброс тканей, из которых он выполнялся. В царском гардеробе, согласно описи 1640 г., был замечен «терлик олтабасной»³⁵⁵. В то же время были известны более чем демократичные «терлик крашенин» и «терлик безинен» (бязинен)³⁵⁶. Последние, судя по упомянутым выше духовным Русинова и Катунина, были частью воинского снаряжения. Особенно выразителен текст последней: «Дал есми сыну своему Степану... терлик хандрячен стеган да пансырь... Да сыну своему Петру... терлик тафта голуба, да шолом и наручи с ымянем...»³⁵⁷ Знали военные терлики и при дворе: в Описи царской казны от 1640 г. числились «терлики походные»³⁵⁸.

Терлик также использовался в качестве свадебной одежды жениха и его окружения; они выполнялись из цветных и золотных материй³⁵⁹. В ярких терликах, подбитых соболями, шествовали перед невестой стольники в роли свечников, коровайников и фонарников на свадьбах царей Михаила Федоровича в 1626 г. и Алексея Михайловича в 1648 г., когда «и за столы сажалися в терликах»³⁶⁰. Терлик был своеобразной униформой для посольских приемов, когда «бояре... сидели в сажных шубах... стояли княжата и дети боярские в терликах в сажных, а иные в кожусех и в шубах»³⁶¹.

пие иранского текстиля описывалось весьма поэтично: «камка кизылбашская, по серебряной земле люди на конех со птицы», «камка кизылбашская по серебряной земле шолк червчат, по ней люди на конех и пешие меж деревья», «камка кизылбашская, шолк бел да черн, на конех люди, промеж людей барсы», «барсы, драконы, звери, инроги, лебеди, лоси, люди крылатые – держат павы, мужики, рыбки» и т. п. См.: *Шапиро Б. Л.* Золото и золотные ткани... С. 69.

³⁵² Акты русского государства. 1505–1526. М., 1975. С. 174–176, 199.

³⁵³ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 45, 85.

³⁵⁴ *Кусайнова Е. В.* Служилое казачество в русско-ногайских отношениях. По материалам Посольского приказа. 1534–1548 гг. // Исторический архив. 2006. № 3. С. 197.

³⁵⁵ Опись царской казны... С. 83.

³⁵⁶ Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937. С. 360; *Реньева Э. Н.* О некоторых тюркизмах в русском и украинском языках XV–XVI веков // Ст. 1976. № 5. С. 40.

³⁵⁷ Акты русского государства. С. 174–176.

³⁵⁸ «... Два терлика бархоту гладково черветые на соболях, ожерелья собольи ж, нашивки золоты с кистми, на вороту по штинадцати гнезд, на прорехах по три гнезда, на мышках у одново по четыре гнезда, а у другово по три гнезда, а у другово по три гнезда, у одново полы и зад от мочи полиняло и на хрепте местами исчернено. Два терлика бархоту черново гладково на соболях, ожерелья собольи ж, нашивка шолк гвоздичной с кистми, на вороту по осминадцати гнезд, на прорехах по три гнезда, на мышках у одново по четыре, а у другово по три гнезда. Два терлика суконные багрецовые на соболях, ожерелья сабольи ж, нашивка серебряна с кистми, на воротех по штинадцати гнезд, на прорехах по три гнезда, на мышках у одново по четыре, а у другово по три гнезда. Два терлика суконныя темно-синия на соболях, ожерелья сабольи ж, нашивка шолкова лазорева с кистми, на воротех по штинадцати гнезд, на мышках у обейх по три гнезда. Два ожерелья собольи от терликов, одно подложено дорогами черлеными, а другое киндяком зеленым». См.: Опись царской казны... С. 84.

³⁵⁹ *Рабинович М. Г.* Одежда русских XIII–XVII вв. С. 107. В допетровской России золотный текстиль был представлен весьма разнообразно. Документы этого времени пестрят названиями привозных тканей: турецких, иранских, ширванских и среднеазиатских, китайских, испанских, французских и итальянских. См.: *Шапиро Б. Л.* Золото и золотные ткани... С. 64–81.

³⁶⁰ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1005.

³⁶¹ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 58. Ездовая одежда сопровождала царя в самые важные моменты его жизни. Так, в свадебный наряд царя Алексея Михайловича для его брака с Н. К.

В последний раз в Московии терлики встречаются в марте 1692 г.: так были одеты 60 жильцов, несших караул на Красном крыльце и в Грановитых сенях при приеме персидского посла³⁶².

Другая мужская ездая одежда, тегиляй, отличался от прочих форм мужской одежды множеством пуговиц³⁶³: известны варианты, рассчитанные на 46, 48, 56 и 68 штук³⁶⁴. Наиболее роскошные из известных нам тегиляев принадлежали Ивану IV: «тегиляй бархат венединской шелк червчат да зелен с золотом и с петлями, на нем 46 пуговиц золоты сенчаты резаны на проем с жемчуги», «тегиляй бархат венединской лазорев листки золоты, на нем 48 пуговиц золоты чешуйчаты с чернью», «тегиляй бархат венединской ценинен с золотом и с петлями, на нем 56 пуговиц золоты продолговаты сенчаты с жемчуги» и «тегиляй бархат венединской на бели чубар с розными шолки, а на нем 68 пуговиц золоты, травки резаны с чернью»³⁶⁵.

«Венединский», т. е. венецианский бархат, из которого были сделаны царские тегиляи, считался самой уважаемой материей из всех известных; благодаря своему исключительному качеству и высоким художественным достоинствам, он был хорошо известен монархам и нобилем Европы, России и Востока. Отличительной особенностью венецианских (и в целом итальянских) золотных бархатов нужно назвать исключительное качество тончайших нитей золота и продуманные композиционные построения авторства художников Пизанелло, Беллини, Боттичелли и др.³⁶⁶ Орнаментом выступали геральдические изображения – орлы, грифоны, короны, выполненные необыкновенно крупно³⁶⁷

Нарышкиной в 1671 г. входила ферезя из белого сукна на собольем меху с «образцами из жемчуга и золотых запон с алмазами». См.: *Левинсон-Нечаева М. Н.* Одежда и ткани XVI–XVII веков. С. 314; *Строев П. М.* Выходы государей царей... С. 622.

³⁶² *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей... М., 2014. С. 1006.

³⁶³ Пуговицы были главной отделкой тегиляя – хрустальные, в гранях которых отражался блеск золотых одежд, и золотые или позолоченные «львовы главы» и «львовы главы с бирюзами», «фатисные на золотых спнях», «прорезные грушеваты с камени и с жемчуги», «с финифты и с алмазными искрами, и с яхонтики с червчатными» и т. д. См.: *Строев П. М.* Выходы государей царей... С. 30, 39; 148, 149, 203. Наличие на одеждах особенного декора из золота, жемчуга и драгоценных камней изменяло не только их внешний вид, но и стоимость. Так, в описи имущества князей Голицыных упоминается «кафтан сукно поморанцевый цвет, на горностаех... по вороту 4 пуговицы золотых резных с олмазы... Цена кафтану 12 р., пуговицам 200 р.» См.: *Книги описные князь Васильевых и сына его князь Алексеевых всяких животов Голицыных...* Стб. 61.

³⁶⁴ Есть свидетельства о бытовании тегиляев с меньшим числом пуговиц или без пуговиц (на завязках?). Таким был тегиляй из занарядов царевича Ивана Ивановича «бархат венединской червчат гладкой с круживом». См.: *Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича...* С. 33. Рассматривая этот пример, нужно учесть специфику «Описи домашнему имуществу царя Ивана Васильевича...». Известно, что текст описи представляет собой перечень статей с указанием отдельных предметов царской казны, в основном тех, которые были помечены как утраченные полностью или утратившие какие-либо детали, либо находящиеся в ремонте, либо заказанные для государя, но еще не изготовленные. См.: *Жариков Г. В.* О происхождении так называемой «Описи домашнему имуществу царя Ивана Васильевича» // *Архив русской истории.* Вып. 2. М., 1992. С. 179–180. Интересные свидетельства о количестве пуговиц на русской одежде приводит П. И. Савваитов: «к кафтану полагалось 13–19 пуговиц, к опашню – 11–30, к однорядке – 15–18, к фереязи – 3–10, к чуге – 3–22, к шубе – 8–16, к зипуну – 11–16, к кожуху – 11, к епанче – 5, к армяку – 11, к терлику – до 35, к телогрее – 14–24». См.: *Савваитов П. И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия... СПб., 1896. С. 112–114.

³⁶⁵ *Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича...* С. 21–22.

³⁶⁶ *Вишневецкая И. И.* Драгоценные ткани. Сокровища Оружейной палаты. М., 2007. С. 94.

³⁶⁷ Раппорт (повторяемая часть рисунка) таких тканей разворачивался во всю ширину ткацкого куска; в высоту раппорты таких тканей составляли около метра. См.: *Клейн В. К.* Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология. М., 1925. С. 31. Крупноузорные ткани получили название «большой руки». См.: *Левинсон-Нечаева М. Н.* Одежда и ткани XVI–XVII веков. С. 352.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.